КРОКОДИЛ

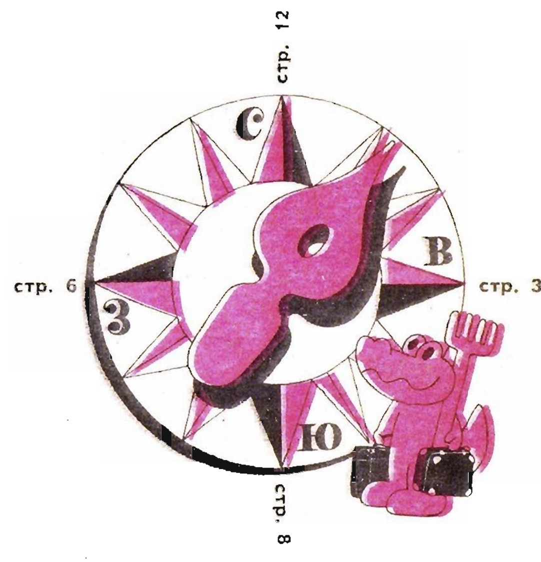
ПЯТИЛЕТКУ ВЫПОЛНИЛИ
К 7 НОЯБРЯ 1970 г.!

— Слов-то вроде немного, а чтобы их написать, почти пять лет потребовалось!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

На воздушной подушке. Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Этот компас не обычный. У обычного стрелка всегда указывает на север. А у нашего — туда, где юмориста ждут новые, не хоженные им земли, интересные встречи и вообще сильные впечатления.

Накануне праздника мы встряхнули наш умный компас, и он тотчас отреагировал: стрелка завертелась, как лопасти вертолетного винта... Компас явно намекал на то, что удивительную новь найдешь и там и здесь — повсюду.

Пришлось нам самим выбирать маршруты. Мы пошли по наиболее простому пути: выбрали север, юг, восток и запад. И послали наших корреспондентов, как говорится, на все четыре стороны.

НАШ РАПОРТ

Сергей СМИРНОВ

Грех не вспомянуть хотя бы вкратце,
Что
  про нас
    враждебный лагерь нес:
Мол, не смогут долго продержаться...
Мол, у них
    резервов —
      с гулькин нос...

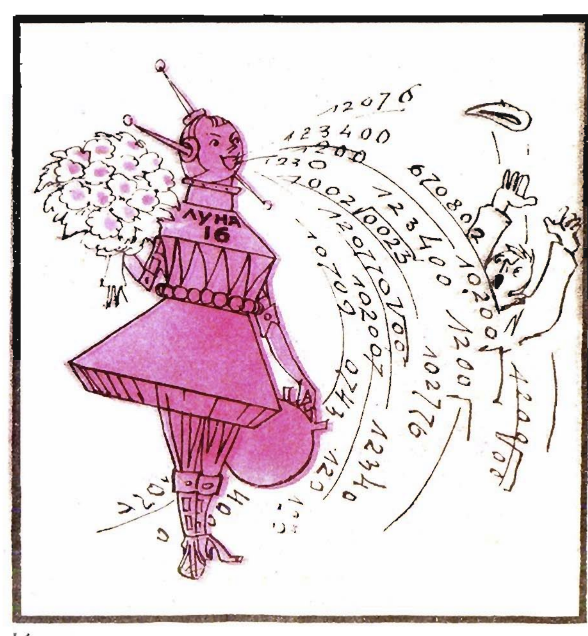
А посмотришь так,
Оценишь этак,—
Все иначе
    в нашенской судьбе.
Воплощеньем
Личных пятилеток
Рапортуем, Родина, тебе!

Мы в работе,
    в творчестве,
      в разведке
Чуем твердость почвы под собой.
Встали строем наши пятилетки,
И любая
    спаяна
      с любой.

Следуя великому примеру,
Ширится
    собратьев
      наших круг,
И коммунистическая эра —
Это — дело
    наших дум и рук.

Мчимся ввысь,
Осваиваем бездну,
Держим строй,
    который тверд и зрим.
И достойным рапортом Партсъезду
Есть и будет
    все, что мы творим!

Интервью. Рисунок Г. ИОРША

Вс. ПРИВАЛЬСКИЙ

ХОТЬ ЧЕРТ, ХОТЬ БИС...

В ноябре 1920 года Владимир Ильич подписал декрет о концессиях. Но еще за два месяца до этого в Москве появился американский бизнесмен Вандерлип — обладатель огромного состояния и тонкого чутья на выгодные сделки. Это был чрезвычайно живой джентльмен, с серебряными волосами, густыми черными бровями, из-под которых блестели хитроватые глазки, оптимистическим румянцем и рекламно-ослепительной улыбкой. У него было деловое предложение: Советское правительство продает, а он, Вандерлип, совместно с другими деловыми людьми, покупает остров или полуостров на Дальнем Востоке со всеми богатствами недр. Своих откровенно империалистических планов мистер Вандерлип ничуть не скрывал. Он говорил:

— Через три года наш флот будет самым сильным в мире. Но на Тихом океане нам мешает Япония. С Японией мы будем драться. Воевать же без нефти нельзя. На Тихом океане у России есть земли, а в этих землях — нефть. Эту нефть Россия взять пока не может. Мы покупаем земли, мы получаем нефть, а Россия — деньги, самые лучшие в мире деньги, американские доллары. А?

О продаже территории, разумеется, не могло быть и речи. Как ни бедно было Советское государство, как ни разорено гражданской войной, как ни нуждалось в золоте, продавать кусок родной земли оно не собиралось. Сдать в концессию — в этом была определенная выгода.

— Допустим, американцы выкачают из этой земли сто тысяч пудов нефти, — говорил Владимир Ильич. — Допустим, нам они заплатят всего два процента. Конечно, это цена ростовщическая, но пока капитализм существует, ждать от него божеской цены не приходится. А выгоды несомненны. Не сдадим мы землю в концессию — не только двух процентов, но пока и двух пудов не получим.

Одним словом, готовился проект договора о сдаче в аренду сроком на десять лет значительной территории на Дальнем Востоке. Забегая вперед, скажем, что этот проект не был осуществлен.

Накануне своего отъезда из России Вандерлип попросил свидания у Ленина.

Свидание состоялось.

Входя в кабинет Ленина — самый простой и скромный из всех, какие Вандерлипу когда-либо доводилось видеть, — гость начал с жизнерадостного приветствия:

— Хелло, мистер Ленин! Хау ду ю ду?

Он готов был даже похлопать мистера Ленина по плечу. У себя в Америке он привык хлопать по плечу губернаторов, сенаторов и президентов, которые считали такую фамильярность за честь. Однако хозяин кабинета при всей его простоте не выглядел человеком, которого можно похлопать по плечу, и от этого фамильярного жеста миллиардер воздержался.

На приветствие гостя Владимир Ильич также ответил вежливым приветствием на чистейшем английском языке.

— Оу! — удивился Вандерлип. — Мистер Ленин превосходно говорит по-английски!

Мистер Ленин сказал, что английским он владеет слабо, но всю дальнейшую беседу продолжал на родном языке Вандерлипа.

По-видимому, желая сделать приятное премьеру рабочего государства, Вандерлип сообщил, что он очень любит рабочих и что в Америке каждый рабочий может стать миллиардером. Слушая все это, Владимир Ильич едва удерживался от смеха. Когда гость сказал, что американцы — люди практические и все ценят только тогда, когда увидят собственными глазами, Ленин живо откликнулся:

— Вот и превосходно! Посмотрите собственными глазами, что такое советская система, и, как человек практический, введите ее у себя.

Американец, умевший ценить хорошую шутку, рассмеялся и вдруг на довольно сносном русском языке ответил:

— Может быть.

Тут настала очередь удивиться Ленину.

— Вы знаете русский?

— Когда мне было двадцать пять лет, — не без самодовольства сообщил Вандерлип, — я... как это... исколесил половину Сибири верхом на лошади.

В ходе дальнейшей беседы Владимир Ильич выразил надежду, что на почве дружественных отношений между двумя государствами будет не только заключен договор о концессии, но и вообще взаимное экономическое сотрудничество будет развиваться нормально.

Господин Вандерлип и не заметил, как совсем уж попал под обаяние собеседника. Впрочем, такое случалось не с ним одним. Придя в полный восторг, он сравнивал мистера Ленина с Вашингтоном и Линкольном, чем смутил хозяина, который замахал на гостя руками... Прощаясь, гость сказал:

— Когда я вернусь в Америку, я всем во всеуслышание объявлю: у мистера Ленина никаких страшных рогов нет.

Владимир Ильич удивленно поднял брови: не ослышался ли он, при чем здесь рога? А гость продолжал повторять:

— Да, да, у мистера Ленина нет рогов! — и для большей убедительности приставил пальцы к вискам.

И тогда Ленин понял: в Америке, как и во всем мире, враги изображали главу Советского государства чуть ли не дьяволом. По-видимому, Вандерлип хочет сказать, что не так страшен черт, как его малюют. Владимир Ильич рассмеялся. Что ж, очень хорошо, если американский миллиардер расскажет, что Советская власть совсем не пугало. В конце концов даже такая пропаганда нам на руку. Забавно, конечно: миллиардер в роли советского пропагандиста. Но, кажется, у украинцев есть хорошая поговорка: «Хоть черт, хоть бис, абы яйца нис».

С тех пор прошло ровно пятьдесят лет.

Что сталось с мистером Вандерлипом, нам неизвестно. А вот что произошло на Дальнем Востоке, об этом известно очень хорошо. В этом «нашенском», по выражению Владимира Ильича, крае навсегда установилась Советская власть, на что всяческие вандерлипы совсем не рассчитывали.

Мистер Вандерлип хотел выкачать из дальневосточной земли сто тысяч пудов нефти. Когда мы упомянули эту цифру в беседе с заместителем министра нефтяной промышленности СССР тов. Мингареевым, он переспросил:

— Сто тысяч пудов? Да мы на одном только Сахалине ежегодно добываем около трех миллионов тонн. А по всей Сибири — десятки миллионов! И, разумеется, — заметил Рафхат Шагимарданович, — без мистеров вандерлипов...

Предприимчивый миллиардер предлагал за концессию ростовщические два процента. Услышав эту цифру, заместитель министра внешней торговли СССР тов. Осипов усмехнулся:

— Неплохой бизнес... А ведь сейчас мы продаем нашу нефть в десятки стран, в том числе и во многие капиталистические. К примеру, в прошлом году продали более шестидесяти миллионов тонн. Захоти мистер Вандерлип, — добавил Николай Григорьевич, — мы бы и ему продали. И, кстати, по ценам, как выразился Владимир Ильич, вполне божеским...

УТРО В САХАЛИНСКОЙ ТАЙГЕ

Вперемежку с вековыми соснами и елями стоят нефтяные вышки. Это обычная картина. Правда, самих медведей я не видел — разве что их следы. Поэтому мне и пришлось позаимствовать косолапых с известной картины (да простит меня Иван Иванович Шишкин!).

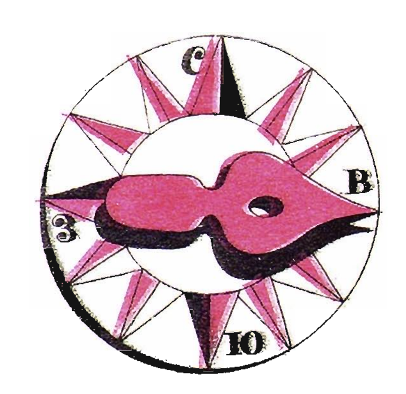
Как вы понимаете, однако, все увиденное мною на Сахалине уместить в одном рисунке было невозможно. Многое осталось «за кадром». В частности, новые кварталы жилых домов в Южно-Сахалинске, Холмске, в других городах и поселках острова. А если вернуться к природе... Я видел, например, как несметными стаями идет на нерест горбуша. Зрелище, знаете ли, такое... Впрочем, его надо видеть своими глазами.

За кадром остались и мои встречи с островитянами. И не только с журналистами и художниками, но и с рыболовами, охотниками. В том числе с известным писателем (он же рыболов, он же охотник) нивхом Владимиром Санги. Это он писал:

О край мой!
Как много таинственного
и очаровательного
ты можешь рассказать!

Да, Сахалин меняется с каждым днем, и каждый день о нем можно сказать что-то новое.

М. АБРАМОВ
Сахалин — Москва

В. НИКОЛАЕВ

ПРИКАЗЧИК СМЕРТИ

Есть в американском штате Южная Каролина город Чарльстон. Недавно он стал центром громкого события. В городе открывался новый памятник! Из чистой бронзы!

К назначенному дню из самого Вашингтона в город один за другим прибывали самолеты. Из них важно высаживались и направлялись в лучшие отели конгрессмены, крупные правительственные чиновники, в том числе руководители Пентагона и государственного департамента.

Наконец состоялось давно ожидаемое и широко разрекламированное торжество. Под звуки американского гимна было сдернуто белое покрывало, и взорам открылась скульптура, изображавшая пожилого мужчину в двубортном костюме, сшитом по последней моде. Едва замолк оркестр, как самые именитые из собравшихся кинулись обнимать и поздравлять пожилого мужчину в костюме, сшитом по последней моде. Нет, не бронзового, а живого. Стоящего перед памятником на самом почетном месте. Да, он был точной копией своего бронзового двойника, но в отличие от него скромно улыбался.

Кто же он такой? Его имя — Мендель Риверс. Памятник — это всего-навсего еще один листик из лаврового венка, возложенного на него соотечественниками. Описанное нами торжество происходило в центре Чарльстона, на улице Менделя Риверса. Неподалеку от города находится аэродром имени Менделя Риверса. Но и это еще не все. В здешних краях отмечают как самый большой праздник в году «День Менделя Риверса».

Сейчас Риверсу шестьдесят четыре года. Тридцать из них он варится в политике. Риверс — звезда первой величины на политическом небосклоне. Вот он сидит утром у высокого окна в своем кабинете в Капитолии. Все стены увешаны портретами генералов и адмиралов с дарственными подписями, а также образцами огнестрельного оружия. Сам хозяин в таком боевом окружении занимается делом весьма мирным: разбирает почту. Дружеское письмо от Чан Кай-ши, записка от вице-президента США Агню с выражением признательности за последнее публичное выступление, официальный запрос из ФБР с просьбой дать отзыв о человеке, собирающемся занять важный государственный пост... Солидные связи! Мендель Риверс диктует стенографистке ответы, затем направляется на заседание своей комиссии.

Мендель Риверс — председатель комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил. Именно от нее зависит распределение военных правительственных заказов. Именно здесь режут на части жирный пирог военного бюджета, а промышленные корпорации бросаются на эти куски, словно акулы на мясо.

«У меня самое влиятельное положение в конгрессе,— горделиво провозгласил Риверс,— и я не собираюсь уступать его никому».

Как он использует это положение, говорит пример его вотчины, города Чарльстона. За годы деятельности в комиссии по делам вооруженных сил он, помимо благодеяний, оказанных им фабрикантам оружия, особенно поусердствовал в отношении своего штата. Город Чарльстон и его окрестности стали за последние годы, пожалуй, самой военизированной частью американского континента. Вот неполный перечень расположенных там военных объектов: военно-воздушная база, военно-морская база, ракетный полигон, военная верфь, учебная база ракетных подлодок, армейские и военно-морские склады, арсеналы, учебный центр морской пехоты, военно-воздушная база морской пехоты, база береговой обороны...

Кстати, ракетный полигон именуется «Мендель Риверс-парк», а въезд на военно-воздушную базу назван «Аркой Риверса». И недаром! Ведь все это сооружено здесь с его легкой руки.

Культ Риверса — отличный трюк, придуманный бизнесменами. Риверс помогает им баснословно богатеть. Отчего же фабрикантам смерти не славить Риверса как отца родного?

Но отец и благодетель печется не только о пополнении сейфов деньгами и военных складов — убийственным товаром. Он обеспокоен затовариванием смертоносной продукции. Словно опасаясь, как бы бомбы не прокисли, он требует от правительства поскорее пускать их в дело. Во время американской агрессии в Корее Риверс настаивал, чтобы президент Трумэн применил атомную бомбу. Когда американский шпионский корабль «Пуэбло» был задержан в водах КНДР, воинственный Риверс требовал снести с лица земли по меньшей мере один корейский город. И он, разумеется, за применение атомного оружия во Вьетнаме. Он говорит: «Мы сровняли с землей города Германии и Японии во второй мировой войне. Я не знаю, чего мы церемонимся с Ханоем... Плевать я хотел на общественное мнение!»

Зарвавшийся конгрессмен-«ястреб» приходит в бешенство, когда кто-либо пытается возражать ему. Одного из своих оппонентов Риверс обозвал «паршивым типом», а сенатора Фулбрайта окрестил «Брутом Искариотом».

Слово «убийство» вызывает у Риверса такой же прилив сладостных чувств, как у поэта-романтика слово «роза». «Ну, теперь об этом так называемом массовом убийстве в Сонгми. Я не позволю, ребята,— заявил Риверс перед личным составом военно-воздушной базы в Южной Каролине,— чтобы таких, как вы, судили по телевидению, радио, в газетах, я лично позабочусь об этом! Я не знаю, насколько они там виновны, в Сонгми, но мы собираемся доказать, насколько они невиновны».

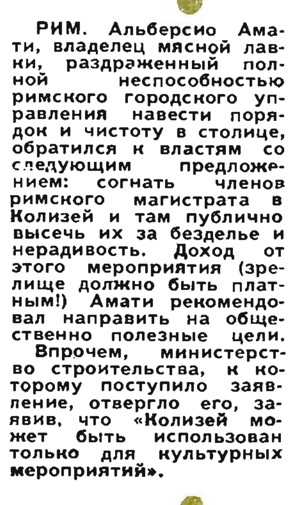
Памятник Риверсу в Южном Вьетнаме его соотечественники еще не поставили, но уже успели назвать одну из улиц на своей базе в Плейку его именем.

Да не подумает читатель, что мы выступаем против увековечения памяти Менделя Риверса. Отнюдь. Идея памятника как таковая не вызывает у нас возражений. Весь вопрос в том, каким должно быть это изваяние. Наш художник Н. Лисогорский предложил свой вариант памятника.

Мы не уверены, понравится ли этот проект отцам города Чарльстона (Южная Каролина). Зато он гораздо точнее передает сущность мистера Риверса, чем банальная скульптура, изображающая человека в двубортном костюме.

ЛОНДОН. В журнале «Сайенс джорнэл» появилась статья, авторы которой утверждают, что море постепенно поглощает южную оконечность Великобритании. Предприимчивые отцы прибрежного города-курорта Лонгхэм решили использовать эту научную публикацию на свой манер. Сейчас в самых бойких местах побережья вывешены рекламные щиты: «Посетите Лонгхэм сегодня! В 3000-м году будет уже поздно».

РИМ. Альберсио Амати, владелец мясной лавки, раздраженный полной неспособностью римского городского управления навести порядок и чистоту в столице, обратился к властям со следующим предложением: согнать членов римского магистрата в Колизей и там публично высечь их за безделье и нерадивость. Доход от этого мероприятия (зрелище должно быть платным!) Амати рекомендовал направить на общественно полезные цели.

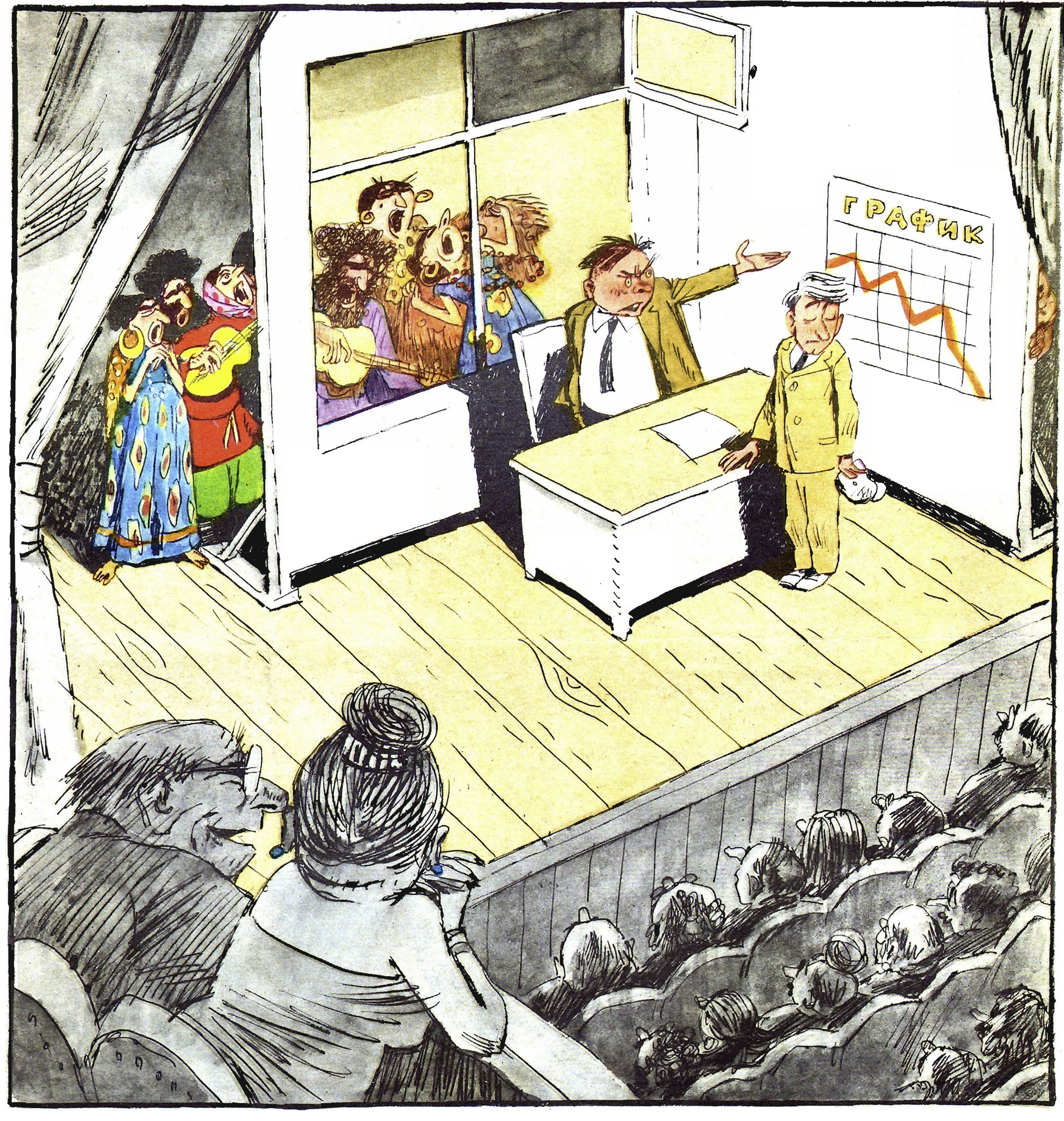
Впрочем, министерство строительства, к которому поступило заявление, отвергло его, заявив, что «Колизей может быть использован только для культурных мероприятий».

МАДРИД. Газета «АБЦ» сообщает о необычном приговоре, вынесенном одним из мадридских судов. Некто Фернандес Гарсиа обязан за полгода отучить своего попугая от некоторых крамольных выражений. Если Гарсиа это не удастся, он должен умертвить непокорную птицу. Газета, естественно, не решилась воспроизвести крамольные слова...

ПОРТСМУТ. Член городского совета Портсмута (Англия) Эванс заявил, что его город достиг высшей точки прогресса благодаря росту числа самоубийств. Эванс сказал: «Лишь цивилизованному обществу знакомо самоубийство. И я могу сказать, что мы достигли уровня, ставящего наш город во главе всех крупных цивилизованных городов мира».

СТОКГОЛЬМ. Шведский пастор Пальмгрен продемонстрировал на церковном съезде в Иенчепинге свое изобретение: кружку для пожертвований, которая при попытке вора запустить в нее руку издает записанные на пленку слова заповеди «Не укради». Изобретение признано весьма своевременным, хотя и малоэффективным.

— С поющими за окном цыганами этот спектакль стал куда привлекательнее!

Рисунок
А. ЦВЕТКОВА

МИМОХОДОМ

Тот, кто стоит в очереди позади тебя, всегда симпатичней передних.

Хотел показать, что не лыком шит, а показал, что лыка не вяжет.

Ю. СКРЫЛЕВ

И у бесцветной личности мечты могут быть радужные.

Вывели его в люди, а дверь за ним на всякий случай закрыли на замок.

Ю. ВОЛКОВ

Продавцы магазина «Тысяча мелочей» грубили покупателям. Это была 1001-я мелочь.

Врал так вдохновенно, что самому себе искренне верил.

Пытался держать нос по ветру, но, к сожалению, стояла безветренная погода.

Погорев на пожарном деле, ушел с головой в аквалангисты.

Битый час доказывал, что никакой он не оратор. И доказал.

Л. МИТНИЦКИЙ

МИМОХОДОМ

Р. БИКЧЕНТАЕВ

Меняю два дождливых дня...

Глядел я в небо, замалеванное тучами, и вдруг мне захотелось помечтать. Помечтать о том времени, когда человек будет командовать погодой, как, допустим, трактором или бетономешалкой...

Осень. 2100 год. Звонит один председатель другому и говорит:

— Салям, Хасан!

— Привет, Хайбулла!

— Хасан, тебе не нужно два хороших дождливых дня, а? Тут Бюро распределения погоды навязывает мне их, а у меня уборка, сам понимаешь!

— А ты откажись!

— Да, откажись! Потом у них весной не допросишься! Скажут — осенью отмахивался.

— У меня, дорогой ты мой, тоже уборка.

— Ну, может, тебе для озимых нужно?

— Спасибо за заботу, не надо. Знаешь что, позвони Булату, может, ему нужен дождь.

Звонит наш Хайбулла Булату.

— Послушай, Булат, тебе не нужно два хороших, чудесных дождливых дня?

— Мне нужен теплый, грибной. У меня делегация из Африки гостит, хочу грибами угостить.

— К сожалению, у меня нудный, холодный, с тремя молниями и столькими же громами.

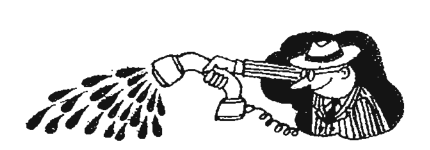
— Спасибо, Хайбулла, такого не надо. Сам понимаешь, гости!

Кладет трубку Хайбулла и грустно смотрит на график распределения погоды. Вдруг звонок. Хайбулла берет трубку, и лицо его сияет. Звонит зять из киностудии. Он снимает исторический фильм о жизни предков в 1970 году, и ему позарез нужен часов на тринадцать холодный, нудный дождь.

Хайбулла обменивает два дождливых дня на запча... (тьфу, это же 2100 год!), на просмотр всем колхозом нового 35-серийного фильма.

Когда ж до этого дойдет наука и техника, а?

г. Уфа.

В. ТУМАНОВ

Дискуссия

По профессии я контролер. Некоторые из моих однокашников стали летчиками, изобретателями, артистами, а я — контролером городского транспорта. Эта профессия хотя и отмирающая, но еще нужная. И почему она хуже, чем профессия, скажем, повара или научного работника? Недавно я даже сделался довольно известным человеком в своем городе.

Проверял я как-то билеты в третью смену, поздно вечером. Захожу в очередной автобус, отворачиваю лацкан с контролерским значком, начинаю проверку. Один пассажир протягивает мне проездной месячный билет. Смотрю на часы: время десять минут первого ночи.

— Ваш билет недействителен,— говорю,— он за прошлый месяц.

— Как за прошлый? —удивляется он.

— А вы посмотрите на часы!

— Десять минут первого, ну и что?

— А то, что сейчас уже ноябрь, а месячный билет у вас за октябрь — поясняю.— Так что попрошу заплатить штраф.

— Но я сел в автобус полчаса назад! — протестует пассажир.— Тогда был еще октябрь!

— Разрешите ваши документы.

— Пожалуйста.

Беру его паспорт, листаю. Если документ пассажира в твоих руках, значит, и сам пассажир в твоих руках. После того, как я предупредил его, что отведу в милицию, он поинтересовался моей фамилией, сказал, что этого так не оставит, и отдал рубль.

А через несколько дней в городской газете было напечатано письмо пассажира. Рассказывая, как его оштрафовали, он спрашивал: правильно ли это? Газета приглашала читателей принять участие в обсуждении письма пассажира.

И читатели откликнулись. Одни категорически высказывались в пользу пассажира или в пользу контролера. Другие признавали случай спорным и выдвигали компромиссные решения.

Сильное впечатление произвела на читателей, особенно женщин, заметка под названием «Мужественный поступок». Автор не жалел красок. «Контролер мужественно выполнил свой долг,— писал он,— и задержал матерого безбилетника, несмотря на оказанное сопротивление».

После этого я стал получать восторженные письма от девушек, которые просили мою фотографию и интересовались, женат ли я. Однако вскоре в газете появилась заметка «Чрезмерное усердие», в которой утверждалось, что я превысил свои полномочия и обидел ни в чем не повинного человека. В мой адрес стали поступать возмущенные письма, читатели требовали, чтобы я извинился перед напрасно пострадавшим пассажиром и вернул ему деньги.

Дискуссия продолжалась два месяца. Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Я продолжал получать одобрительные и ругательные письма. Мой начальник был в полной растерянности: то собирался меня уволить, то повысить в должности.

Наконец в газете появилась редакционная статья, подводившая итоги дискуссии. Получалось, что близки к истине те многочисленные читатели, которые поддерживают контролера: формально-то октябрьский билет в ноябре недействителен. Но, с другой стороны, недалеки от истины и те — не менее многочисленные — читатели, которые поддерживают пассажира: фактически садился-то он в автобус в октябре. В заключение статья призывала контролеров и пассажиров быть взаимно вежливыми.

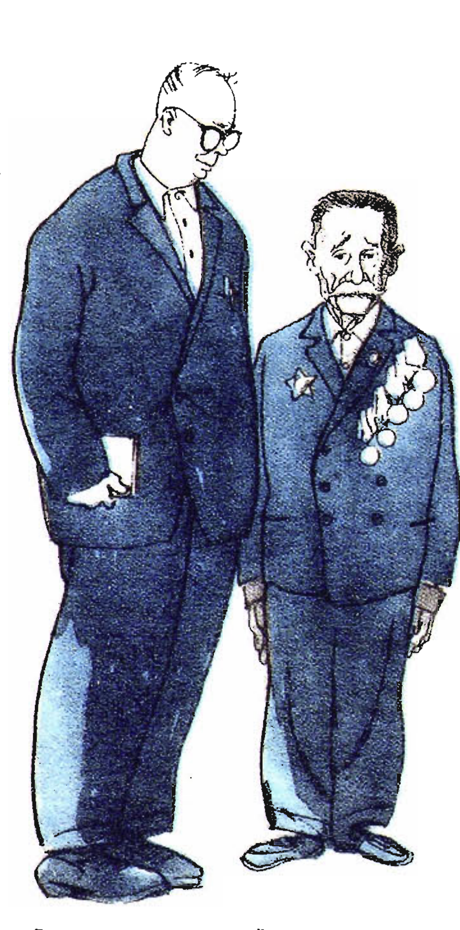

Лев САМОЙЛОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Полтавские зарисовки

Стоило мне заикнуться, что я собираюсь на Полтавщину, как все начинали усмехаться: «Ага, понятно! Полтавских галушек захотелось!»

И вот я в Полтаве.

Ветераны диканьской самодеятельности — Иван Микитович Козак и Илья Иванович Биленко.

Ну, есть, есть тут галушки! Те самые. Полтавские. Знаменитые. Даже специальная фирменная ресторация так и называется — «Полтавские галушки».

Но не одними галушками славна ныне Полтава.

Был я, к примеру, на заводе «Химмаш». Здесь изготовляются уникальные эмалированные цистерны для химической промышленности на 20 тысяч литров каждая. Для продажи их вывозят не на Сорочинскую ярмарку, а далеко за пределы Полтавщины. Например, в Польшу. Или на далекий Кипр...

Слабость полтавчан — музеи.

Ну кто из вас, к примеру, помнит мамонта? А я (жутко сказать!) помню. Был он найден когда-то на Полтавщине и стоял в краеведческом музее. Почтенному ископаемому не повезло: оно погибло в войну. Разбомбили фашисты вместе с музеем, костей собрать не удалось.

А нынче опять стоит скелет, уже другого мамонта, в заново отстроенном музее. Точно такой же.

В стороне от областного центра лежит село Писаревщина. И тут, разумеется, есть свой музей. Мамонта, правда, в нем нет, имеется пока только одна косточка. Ревнители музея уверяют, что найдут к ней и все остальное.

— Земля у нас добра, в ней всего богато,— говорят они.

И верно, добрая это земля — Писаревщина. Итальянский кинорежиссер Джузеппе де Сантис снимал здесь фильм «Они шли на восток». Кстати, картину «Подсолнухи» снимал тоже неподалеку его земляк Витторио де Сика.

Я спросил всезнающих местных мальчишек:

— А кто ж снимался в фильме?

На что последовал ответ:

— Софи Лорен и другие колхозники.

Диканьку, добрую старую Диканьку селом теперь не назовешь. Редко-редко встретится здесь хатка-мазанка. На смену пришли крепкие кирпичные дома, утыканные телевизионными антеннами.

Что вам угодно? Вот комбинат бытового обслуживания. Чайная. Универмаг. На его прилавках много всякого товара. Правда, чего вам угодно, не всегда найдешь. Взять хоть обувку. Есть, конечно, кое-что, но либо вышло из моды еще при Матрене Кочубей, либо выглядит так, что и смотреть тошно. Вздумай сегодня Вакула раздобыть Оксане черевички — не обойтись ему без нечистой силы.

Бережно хранят на Полтавщине старинные народные традиции и обычаи. Как и раньше, устраиваются вечорницы. В ночь под Новый год по селам ходят колядовать парубки и девчата, наряжаясь в костюмы гоголевских персонажей. А на Ивана Купалу девчата пускают по Ворскле и Пслу веночки. И, как встарь, звенят над водою украинские песни.

Старейший участник диканьского драмколлектива Иван Микитович Козак сообщил мне, что диканьцами переиграна уже вся украинская и почти вся русская классика.

— Не чули, часом, чи не появився де-нибудь який новый классик? — с надеждой в голосе спрашивает Иван Микитович.— Нам он до зарезу нужен...

Я честно признался, что не чув.

Персональный пенсионер Илья Иванович Биленко (амплуа — комический старик) в молодости служил в Первом кавкорпусе червоного казачества под командой В. М. Примакова. Спрашиваю:

— А как вы заучиваете роли? Ведь семь десятков с гаком — не шутка.

— Це вы насчет склероза? Ни, такого у нас нема.

В тенистых скверах Диканьки стоят памятники Гоголю и Шевченко. Их автор — местный колхозник-самоучка Леонид Харитонович Ильченко.

В селе Михайловке у одной калитки увидел я торчащую из почтового ящика газету «Юманите». Зашел в ту калитку и узнал такую историю.

В 1965 году по французскому телевидению выступал худощавый, очень подвижный человек лет сорока пяти и на чистом французском языке, но с явным украинским акцентом восторженно и убежденно доказывал, что нет на земле прекраснее места, чем Полтавщина. Это был Антуан Тома, приехавший в Сент-Этьен повидаться после долгой разлуки со стариком отцом.

И вот старожил села Михайловки, Диканьского района, Антуан Жанович Томас (французское окончание «с» обрело у нас вместе с владельцем этой фамилии право гражданства) сидит передо мной и на чистом украинском языке, но с заметным французским грассированием развивает все ту же тему. Рядом сидит его жена, Наталья Васильевна. До войны Наталка окончила Сорочинскую среднюю школу. Марсельскому мальчишке Антуану много учиться не пришлось: в 8 лет он уже помогал матери на фабрике, с 14 лет плавал коком на небольшом судне. Наталья Васильевна работала учительницей в Диканьке.

Оставив за сараем свой мотоцикл, конюх занялся другим видом транспорта.

Встретились они в 1942 году на заводе Буна, неподалеку от Лейпцига, куда фашисты согнали тысячи невольников со всех уголков оккупированной Европы. В числе девяти французов и бельгийцев, раздобывших приемник и тайно слушавших передачи союзников, Антуан был брошен в Бухенвальд. Чудом выжил.

После войны Наталка разыскала его, и вот уже четверть века живет на Полтавщине Антуан Томас. В его ладном кирпичном домике под новенькой ярко-зеленой железной крышей — мир и достаток.

Есть у Антуана дети, внуки. Старшая дочь, Мирел, работает токарем в Полтаве, у нее растет сын Сашко. Средняя, Лена, живет в Гомеле. У Лены две дочурки: Наталка и Жанна. Младшая дочь Антуана Томаса, опять же Наталка, учительствует тут же, в Михайловке.

Во время нашей беседы в комнату вошел статный кучерявый парубок. Сложением, что твой кузнец Вакула.

— Батько, будь ласка, завяжи мени галстух.

— А оце сынок мий,— представил Антуан,— коллега ваш — працюе заместителем редактора в Шишаках...

И лихо, с парижским шиком вывязав сыну галстук, хитро подмигнул нам:

— Як шо у вас в Москве е добра дивчина — везить до нас, бо Юрко ще холостый ходыть.

Антуан непоседлив. Побывал в Москве, Киеве, Харькове, Гомеле. Повидал Ригу, Охотск, Керчь. Ездил, как сказано выше, во Францию, гостил с женой у сестры в Бельгии... И пришел к твердому решению:

— Немае в цилому свити земли краще Полтавщины.

И ему можно верить, этому марсельцу с хутора близ Диканьки.

— А вот этот старый млин снимался в фильме де Сантиса, как сейчас помню...

Владимир ЛИФШИЦ

В мире песни

(Опыт исследования)

Современные песни делятся на две основные группы:
а) хорошие,
б) плохие.

Предлагаю вашему вниманию несколько типовых песен с тем, чтобы вы сами решили, к какой группе они относятся.

ТАЕЖНАЯ-МОЛОДЕЖНАЯ

Предо мною тайга,
Где гудит урага...
Ураган, поднимая снега.
Предо мною тропа,
Где еще не ступа...
Где еще не ступала нога!

Припев:

Здравствуй, молодежная,
Вечно впутьдорожная,
Сложная, тревожная,
Таежная судьба!

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
(Она же «Конкретная предметная»)

Собираясь в дальний путь,
Взять с собой не позабудь:
Соли щепотку,
Одежную щетку,
Мозольный пластырь,
Бутсы и ласты,
Кастрюлю, гитару,
Тапочек пару,
Банку тушенки,
Рулон фотопленки,
Ложку и аккредитив...
И снова —
На тот же мотив:
Отправляясь в дальний путь,
Взять с собой не позабудь...

Перечисляются те же предметы в том же порядке, только «ложка» заменяется «вилкой», затем «ножиком», затем «спичками» и так далее, покуда хватает фантазии. Говорят, получается очень смешно.

ТИПИЧЕСКАЯ ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ

Голубеют небеса,
Зеленеют, ах, леса,
Ветер треплет волоса,
Звонки наши голоса!

Припев:

Возле речки, возле лога,
Возле горного отрога
Нас сегодня очень много,
А сердце бьется громче всех!

ПЕЧАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ

По тебе я, родная, грущу,
И тебя я, родная, ищу,
Я повсюду, родная, брожу,
Но нигде тебя не нахожу.
А-а-а-а-а,
А-а-а-а-а,
Не нахожу.

Если светит луна, я грущу,
Если скрылась она, я ищу,
Если плещет волна, я брожу,
Если стихла, я не нахожу.
А-а-а-а-а,
А-а-а-а-а,
Не нахожу.

Поется эта песня очень протяжно, с переливами и руладами на восточный манер, что прежде всего касается припева, и в частности строки «А-а-а-а-а».

ЛИРИЧЕСКАЯ ПИТЕКАНТРОПИЧЕСКАЯ

Чао-чао, ча-ча-ча,
Сэнк-ю лав-ю, го-го-го,
Джесси, Джонни, Джимми,
Джой,
Трали-вали, а-ха-ха!..

Эта песня исполняется между двумя и тремя часами ночи, посередине улицы, громко и разноголосо, с вольными отступлениями от канонического текста, с визгом, свистом и хрюканьем, в сопровождении гитары и, как правило, без сопровождения в милицию.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

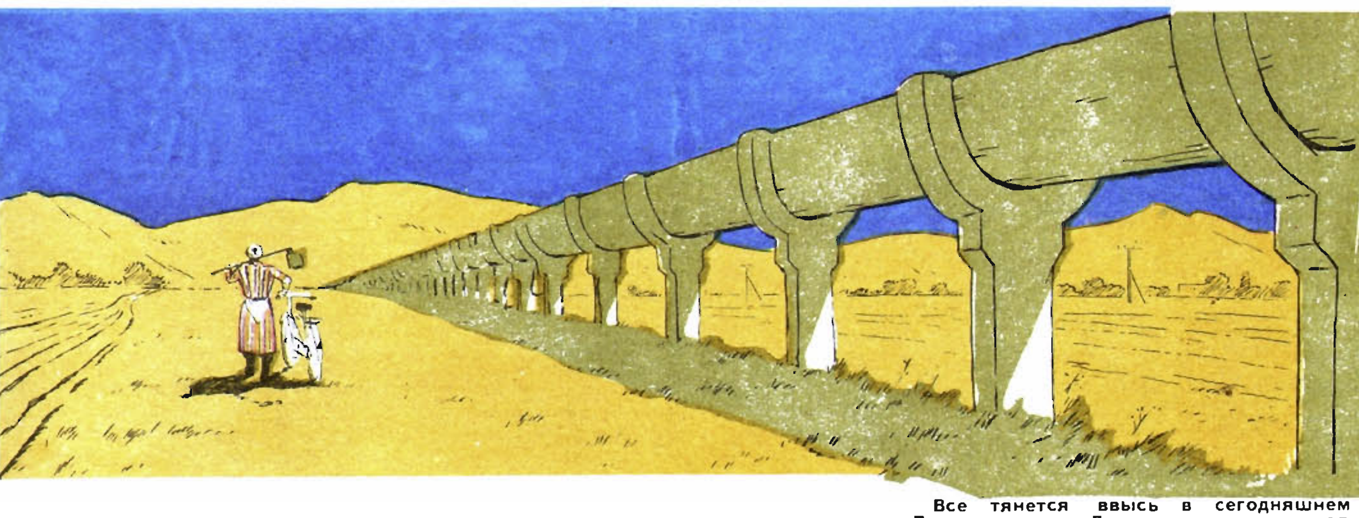
УШЛА...

К нам ворвался поздно ночью
Наш старинный
школьный друг,
Кандидат каких-то очень
Актуальнейших наук.
Несмотря на холод лютый,
Был пиджак на нем один,
Годовалого малютку
Он баюкал на груди.
На лунатика похожий,
Друг наш будто бы спьяна
Повторял одно и то же:
— Все! Ушла... ушла она!
Все впустую, все напрасно!
А ведь как берег ее:
Мыл полы, стоял за мясом,
Суп варил, стирал белье,
В ясли сам водил Мишутку
И обратно приводил,
Чтобы дать поспать ей утром,
Я на цыпочках ходил!
В общем, целый день по дому
Я вертелся, как юла...
Все равно ушла к другому —
К академику ушла!
Говорят, прельстилась
«Волгой»,
Чтоб на рынок ездить в ней...
Счастье длилось
так недолго —
Год всего и сорок дней...
Удивились мы отменно:
— Ведь у вас была с Еленой
Образцовая семья!
— Да при чем здесь,
братцы, Лена!
Это бабка Аграфена,
Домработница моя!

г. Ленинград.

На древней родине Хайяма

Андрей КРЫЛОВ, специальный корреспондент Крокодила

Как-то раз один ученый, математик и астроном, любивший в минуту грусти писать стихи, окунул перо (гусиное) в чернильницу и написал четыре строки:

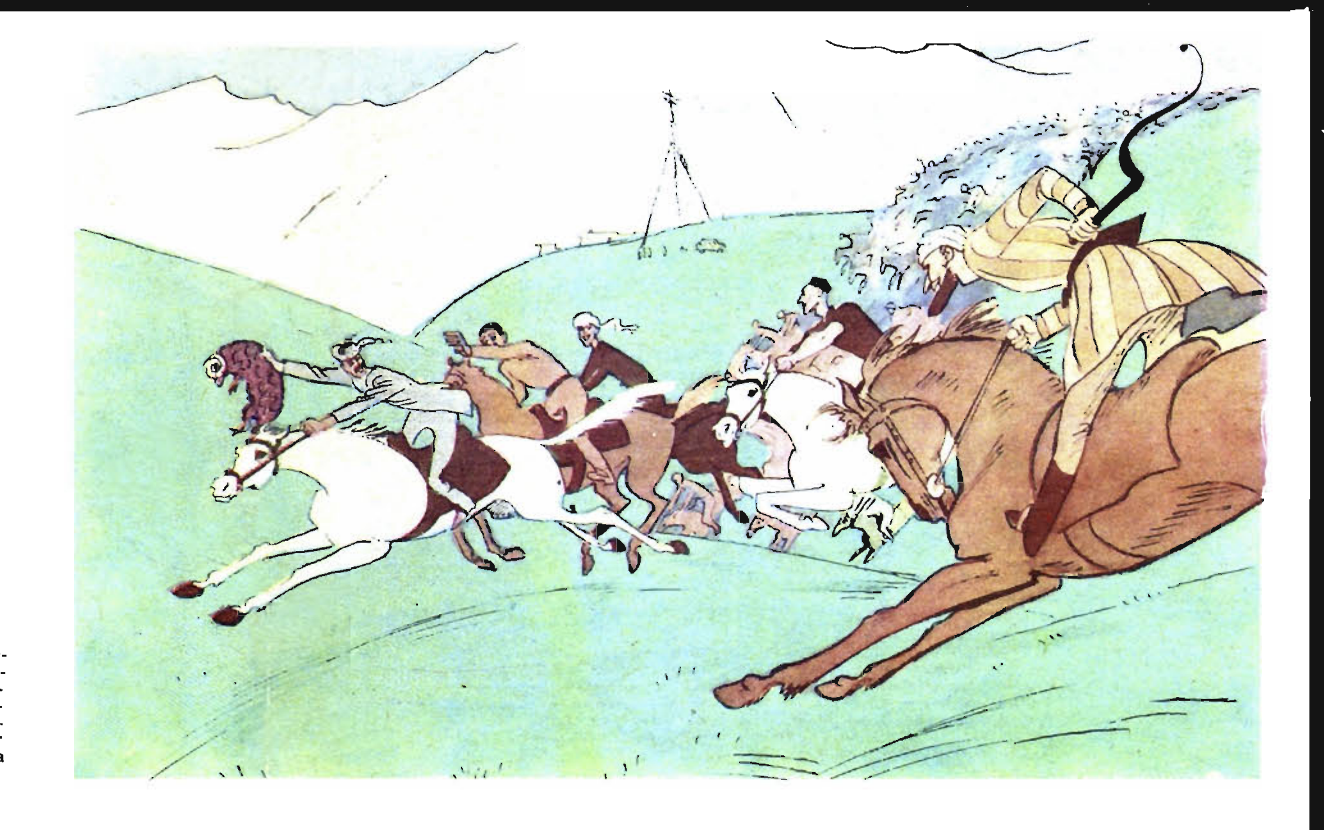
Если бы я был властен над скрижалью рока,
Я переписал бы ее по собственному желанию
и прихоти,
Я бы совсем изгнал из мира печаль
И от радости достал бы головой небосвод.

Эти слова Омара Хайяма я всегда вспоминаю, когда приезжаю на землю великого поэта — в Таджикистан.

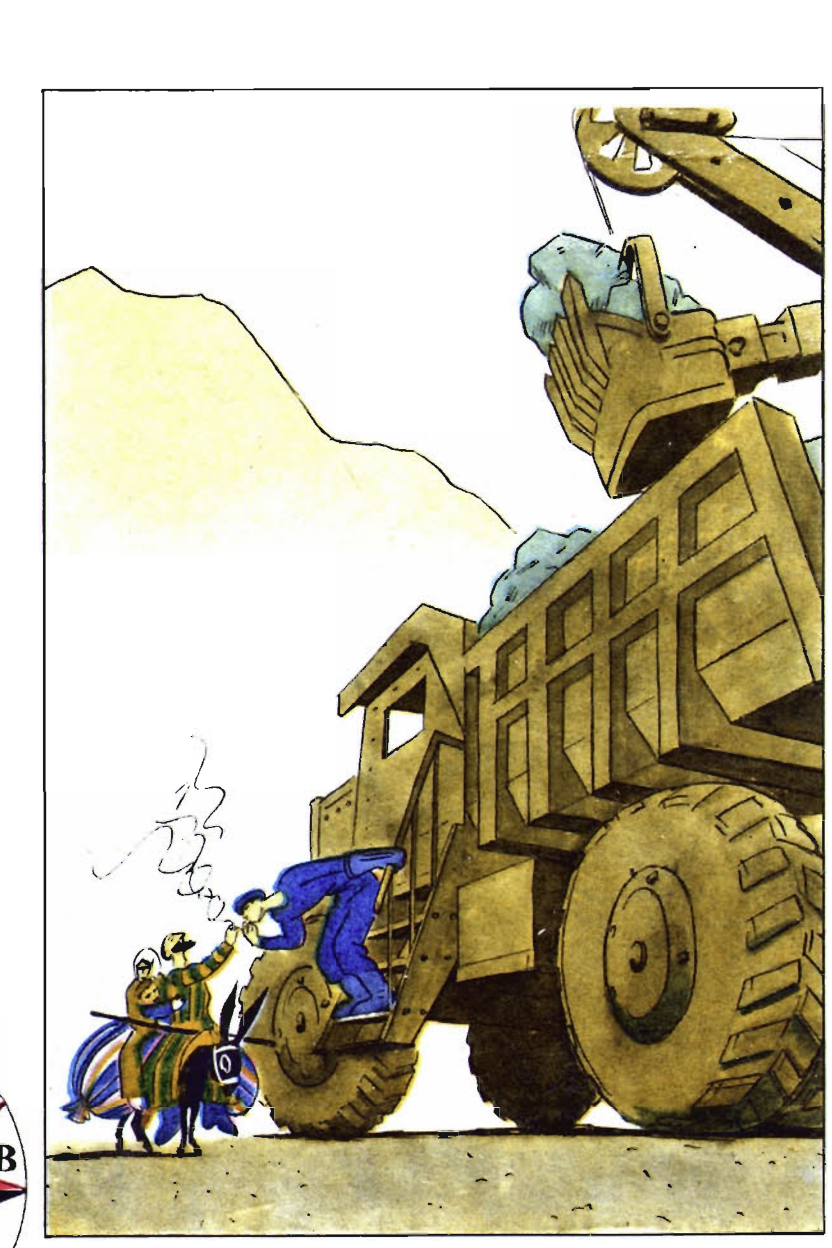
Грандиозность происходящего поражает.

Скрижаль переписана по собственному желанию таджикского народа. Печаль изгнана.

Все тянется ввысь в сегодняшнем Таджикистане. Даже рожденные ползать арыки оторвались от земли, и вода, умиротворенно журча, бежит по железобетонным лоткам в предписанном ей людьми направлении.

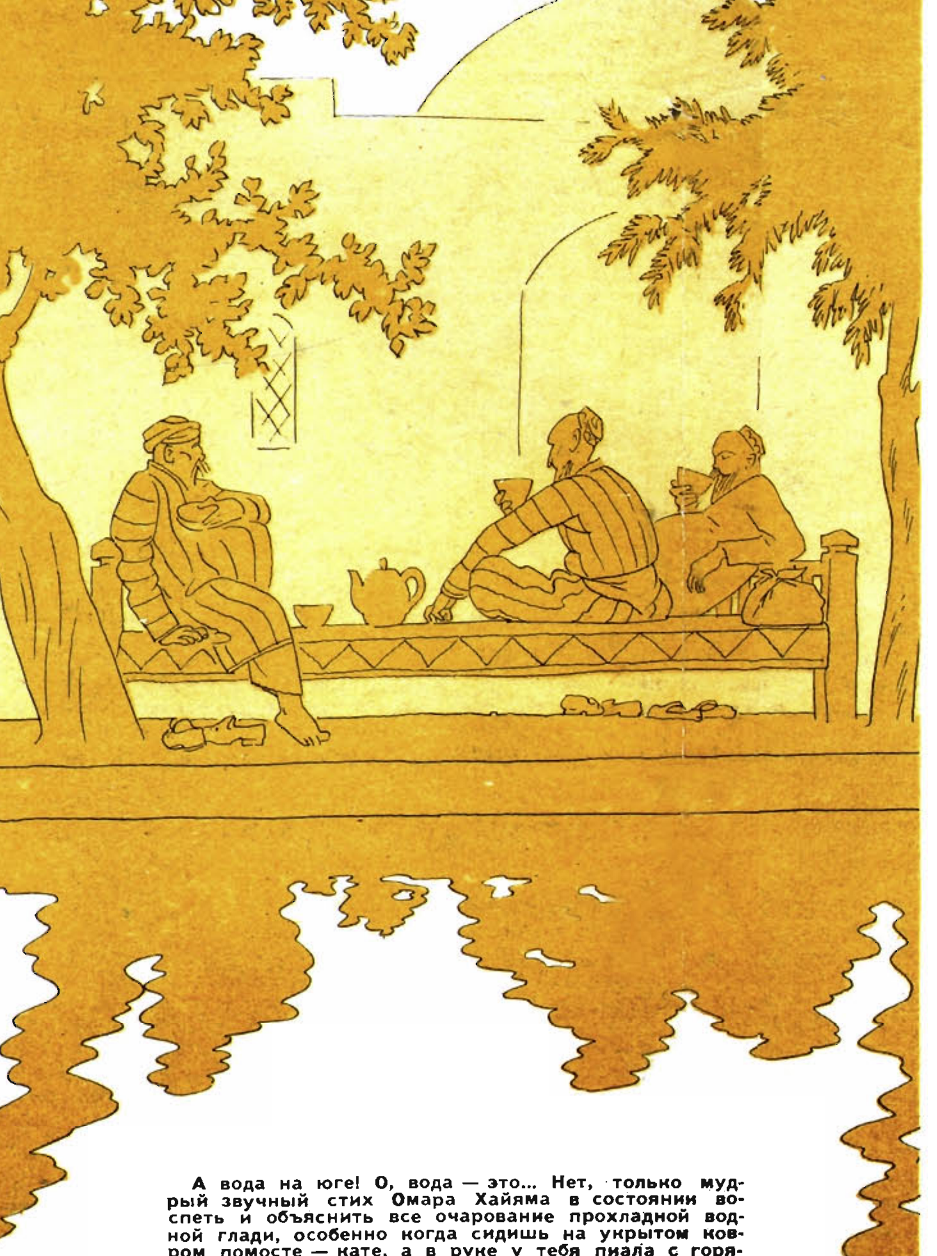

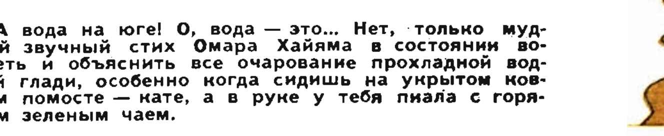
По сравнению с «бузкаши» футбол кажется игрой изнеженных аристократов. Цель игры — забросить баранью тушу в яму. Игра, следовательно, идет в одни ворота. Размер поля очерчивается щедрым взмахом руки — «В-о-о-н от тех холмов до этих предгорий». И это очень удобно: нет нужды поднимать шум, если баран «зайдет за ленточку».

Хотя Нурекская ГЭС спряталась за Гиссарским хребтом, пуск ее не за горами. В этом убеждаешься, когда видишь гигантские самосвалы, деловито бегущие к новостройке и обратно.

А вода на юге! О, вода — это... Нет, только мудрый звучный стих Омара Хайяма в состоянии воспеть и объяснить все очарование прохладной водной глади, особенно когда сидишь на укрытом ковром помосте — кате, а в руке у тебя пиала с горячим зеленым чаем.

Земля утолила жажду, и нежные зеленые ростки с признательностью кланяются людям. Индивидуальный транспорт на краю колхозного поля терпеливо дожидается своих хозяев.

О Таджикистане можно рассказывать кистью и пером до бесконечности. Позвольте, однако, вместо традиционного «Продолжение следует» нарисовать для вас стайку таджикских девушек-студенток. Они-то уж наверняка позаботятся о счастливом продолжении истории родного края!

А. ВЕРЕТЕННИКОВ

ВЕЗУНЧИК

Женя Травушкин, специалист по рекламе, молодой, самоуверенный и талантливый, упруго прохаживался по вестибюлю метро и время от времени поглядывал на часы.

Нельзя сказать, чтоб он куда-либо торопился. Просто, не рассчитав немного, он приехал на четверть часа раньше условленного. Поэтому, чтобы убить время, он не торопясь спустился вниз, на платформу, и услышал насмешливый мужской голос:

— Счастье? За тридцать копеек? Подумайте, что вы говорите! Где вы прочитали, что счастье можно купить за деньги, тем более за гроши?

Травушкин обернулся. Демагог удалялся неспешной походкой, а смущенный продавец лотерейных билетов конфузливо крутил седой головой. И молчал, хотя еще несколько минут назад — Травушкин это вспомнил — он непрестанно бубнил на одной ноте: «Граждане, 30 копеек — «Волга». Не упускайте своего счастья, покупайте билеты».

— Товарищ правильно заметил, не в деньгах счастье,— миролюбиво сказал Травушкин старику, у которого из-под бобрикового пальто виднелись давно не глаженные брюки с голубым авиационным кантом.

— Как сказать. Конечно, не в деньгах. Но ведь надо же говорить что-то. Какие-то сильные слова. Как все, так и я,— сказал старик, улыбнувшись неожиданно обаятельно. И добавил внушительно: — Реклама — двигатель торговли.

— Чудо лесное, разве это реклама? — Травушкин чувствовал себя задетым.— Это не реклама. Лучше просто сидеть и молчать, чем так рекламировать. Реклама должна быть свежей, остроумной, озорной, немногословной, привлекать внимание...

— Интересно, что бы вы стали говорить, сидя на моем месте?

— На вашем месте?..— задумчиво переспросил Травушкин.— На вашем месте я бы сделал плакат. И язык не болит, и видно издалека.

— А у меня вот есть,— сказал старик, показывая плакат, где на фоне лотерейного билета стройным рядком катились «Волга», «Москвич», «Запорожец» и мотоциклист.

— Хотите настоящий плакат? — великодушно спросил Травушкин, доставая из чемоданчика кисти и баночку красной гуаши.— Давайте сюда ваш плакат. Так, перевернули на другую сторону... Начнем, пожалуй. К людям, которые спешат и вовсе не нацелены на ваши билеты, нужно обратиться как-нибудь необычно, привлечь их внимание.— И Травушкин вывел жирно:

Родные мои!

— Далее. Люди не любят, когда их обманывают. «Счастье за 30 копеек» — это действительно утопия. Но к этому привыкли. А мы им скажем правду. Это должно ошарашить и вызвать симпатию.

И так же размашисто Травушкин написал:

**Скорее всего вы ничего
не выиграете...**

— Каждый человек, если он не страдает хроническими болезнями, в душе считает себя удачливым,— продолжал Травушкин.— Поэтому дальше мы напишем так, уже помельче:

**Но если вам повезет, вы
можете выиграть автомобиль,
пианино, стиральную машину и
еще что-нибудь нужное вам.**

— Очень важно, как закончить рекламу. Умничать нельзя ни в коем случае. Подсознательно люди обязательно подумают так: «Тертый калач, непременно надует. Надо с ним поосторожнее». Поэтому заключение должно быть достаточно наивным. Хорошо бы еще какое-нибудь необычное словечко. Это, как правило, настраивает на веселый лад. Люди с благодарностью отдадут вам свои гривенники, прекрасно сознавая, что ничего не выиграют, и уважая вас за то, что не считаете их дураками. Заключительный аккорд будет звучать у нас так:

**У меня покупают билеты
только везунчики.**

— Вот и все. Вы извините, мне пора,— сказал Травушкин онемевшему старцу, приклеил плакат липучкой к мраморной колонне, полюбовался на него и торопливо побежал к эскалатору, где через минуту должна состояться встреча со знакомой девушкой.

Она пришла, опоздав ровно на двадцать минут.

— Черт знает, что такое,— сказала она незлобиво.— Люди совсем с ума посходили. Один идиот написал дурацкий плакат, а другие рвут у него билеты, словно от этого зависит их жизнь.

— И невозможно пробиться? — с потаенной радостью спросил Женя.

— Как видишь. Ты же знаешь, обычно я не опаздываю. На вот тебе, везунчик.— И она протянула ему лотерейный билет.

* * *

...Травушкин выиграл рубль.

Мирослав МИТРОВИЧ

Старые друзья

Полдень. Шумная столичная толчея. По проспекту стремительно проносятся машины. Тротуары полны серьезных, озабоченных людей, которые куда-то спешат... И вдруг среди этого потревоженного муравейника остановился весь озаренный радостью маленький лысый толстячок.

— Пардон! — воскликнул он, схватив за рукав хмурого долговязого человека.— Простите, вы не?.. Вас зовут Жарко?

— Нет, меня зовут Велько,— высвободил свой рукав из его цепких пальцев долговязый.

— Велько?.. Велько?.. — припоминая, повторял толстячок.— Вы когда учились в гимназии, сидели на третьей парте от окна?..

— На третьей от окна?.. Подождите... Да, сидел... В пятом классе.

— Ну точно! Я сразу узнал тебя! — вскричал толстячок.— Как только взглянул, тут же подумал: «Не иначе, это Жарко с третьей парты!»

— Велько!

— Да, да, Велько, правильно. Жарко сидел в первом ряду. Ах, Велько, Велько, что за времена были!.. А ты почти не изменился. Конечно, вытянулся, отпустил усы... А в остальном вылитый прежний Велько! Только тогда ты носил короткие штаны!.. А меня ты помнишь?

— Лицо мне ваше знакомо, но имени, простите, вспомнить что-то не могу,— смутился долговязый.

— Краковац! Пера Краковац я! А школьное прозвище было у меня «Крале»! Второй ряд, восьмая парта...

— Крале? Что-то знакомое... Крале... Что-то припоминаю!

— Вот именно Крале, боже ж мой! — помогал ему толстячок.— Не удивительно, что ты меня не узнал: я полысел, пополнел... Что поделаешь? Годы! Но во всем остальном я прежний Крале!..

— Подождите, а это не вы однажды...

— Да брось ты это «вы»! — прервал долговязого толстячок.— Старые школьные друзья — и «вы». Где ж это видано?!

— Ты прав,— растрогался долговязый.

— Конечно! Столько раз вместе яблоки воровали в поповском саду, а ты «вы» да «вы».

Он, не дотянувшись до плеча, похлопал долговязого по животу.

Так рухнула последняя преграда, отделявшая их от детства, и они, спеша, перебивая друг друга, принялись обмениваться воспоминаниями о том дивном времени, когда до изнеможения дрались, разбивали носы, играли в футбол, удирали с уроков... Особенно растрогались они, заговорив о первой любви, о стишках, которые тогда кропали...

— Да, а ты помнишь,— хлопнул долговязый толстячка по плечу,— ты помнишь, как мы ночью расколотили все окна в квартире учителя математики?

— Учителя латинского языка! — поправил его, заливаясь смехом, толстячок.

— А я почему-то думал, что у математика...

— Какая разница! Главное, мы были вместе! — радовался толстячок.

— Еще бы! — гордо выпячивая грудь, похохатывал долговязый.— Ух, и звенели же тогда бедные стеклышки!.. Помнишь?

— Да я тогда сам три окна разбил!

— И я два! — подвел итог долговязый.

Собеседниками овладел такой приступ смеха, что они едва держались на ногах; толстячок прислонился к долговязому, а тот опирался на его плечи. Толстячок, задыхаясь, едва проговорил:

— Вот это был номер! Всполошился весь город! Весь Сомбор!

— Ты хочешь сказать: Шабац? — спросил, вытирая пот со лба, долговязый.

— Да нет же, Сомбор, где была наша гимназия.

Долговязый посерьезнел и глухим голосом сказал:

— Я учился в Шабаце... Я в Сомборе ни разу в жизни не был...

Толстячок перестал смеяться.

— А я ни разу не был в Шабаце,— тихо сказал он.

Улыбнулись они друг другу глупо, словно иностранцы, и тут же, забыв попрощаться, двинулись каждый в свою сторону и растворились в толпе...

Перевел с сербскохорватского Г. МАРКОВИЧ

Ференц ЭС

Почему я не стал классиком

Еще в юные годы я дал себе клятву стать великим писателем. Старательно изучил биографии выдающихся мастеров литературы и увидел, что мои знаменитые предшественники много страдали, познали унижение и нищету, весьма обогатив тем самым свой духовный мир.

И вот я твердо решил: буду страдать. Зато еще при жизни меня будут проходить в школе. Игра стоит свеч.

Для начала я выбрал местом жительства одну из скамеек в парке. Не скажу, чтобы скамья была комфортабельным ложем, но искусство требует жертв. Ночь выдалась прохладная, да и муравьи не давали углубиться в раздумья. Наконец под утро на широком экране моей фантазии стали вырисовываться контуры романа. Но тут появился милиционер.

— Пора бы вам домой,— сказал он.

— Мне некуда идти,— твердо сказал я.

Как будущий классик, я не мог себе позволить вернуться в двухкомнатную квартиру со всеми удобствами.

— Где вы живете? — терпеливо продолжал он.

— Нигде.

— Каждый человек где-нибудь живет,— сказал он.

Мне стоило больших трудов объяснить ему, что я нигде не живу, не работаю, что у меня нет ни друзей, ни родных и я не имею счастья быть чьим-нибудь предком или потомком.

Он провел меня в милицию. Я не жалел об этом, напротив: я надеялся, что в милиции меня унизят, посадят в тюрьму. Ведь Оскар Уайльд тоже сидел, а потом написал целое исследование о тюрьме. Но эти начисто лишенные творческой фантазии люди не стали меня унижать. Офицер сделал мне отечесхое внушение, и в этот же день мне нашли работу на заводе да еще определили в общежитие.

На заводе меня встретили с возмутительным радушием. Секретарь комитета комсомола и профорг дали торжественное обещание перевоспитать меня и возвратить в лоно трудового коллектива. А для того, чтобы облегчить мои первые шаги, выдали скромную, но безвозвратную ссуду.

Деньги я пропил в первый же вечер и на следующий день не вышел на работу.

Разумеется, меня простили. Тогда я по примеру великого Шандора Петефи отправился бродяжить.

В первой же деревне меня вытащили из стога сена, где я расположился на ночлег. Представителю местной власти я объяснил, что ищу новых, ярких впечатлений. Он одобрил мои планы и горячо рекомендовал обратиться в Бюро путешествий. Но я, конечно, не отступил от своей программы, вычесал сено из волос и пошел дальше.

По дороге я сбросил ботинки — босиком я больше походил на бродягу, вырезал крепкий посох, на конец которого повесил маленький узелок со всем своим скарбом: газовой зажигалкой и транзисторным приемником.

Когда стемнело, я постучался в домик на краю деревни и попросился переночевать на сеновале. Но оказалось, что чердак загроможден старым спальным гарнитуром. Поэтому мне постелили в гостиной.

Я рассказал милым хозяевам, что изучаю жизнь в надежде стать великим писателем.

Наутро председатель сельского Совета самолично разбудил меня и сообщил, что в мою честь будет дан обед, дабы у меня не сложились неблагоприятные впечатления о венгерском крестьянине.

Я безуспешно пытался продолжить мои опыты, но страдать мне так и не дали. Я так и не познал глубины страданий, меня ни разу не унизили, не подвергли жестокому обращению и с чудовищным упорством постоянно оказывали всяческую поддержку. Теперь вы понимаете, почему из меня не получился великий писатель.

Правда, сегодня мелькнул луч надежды. Сегодня я получил открытку из магазина. В ней говорится, что моя очередь на получение автомашины подойдет не ранее чем в 1975 году.

Может быть, я все-таки стану выдающимся литератором?

Перевела с венгерского И. ЛУГОВАЯ

Януш ОСЕНКА

В общем, их много

Дети — это наше будущее, поэтому иногда следует их пересчитывать, чтобы узнать, достаточно ли мы их имеем. Беседуя с варшавянином паном А., я убедился, что эта задача иногда доставляет массу хлопот. Когда я спросил его, сколько у него детей, он заколебался с ответом, смутился и, наконец, изрек унылым голосом:

— Когда я их скликаю со двора на ужин, приходят примерно девять или десять... В общем, жена вам поточнее скажет...

Мы пошли к жене, но она не смогла дать определенный ответ.

— Крутишься тут целый день, как белка в колесе, так что и посчитать их некогда,— жаловалась она.— Судя по тому, сколько молока мне приходится покупать на завтрак, пожалуй, одиннадцать наберется.

— Я пробовал считать, сколько раз меня вызывали в школу,— подхватил пан А.,— но всякий раз сбиваюсь со счета...

— Так ваши дети уже в школу ходят? — спросил я.

— О, некоторые наверняка уже ходят! — ответил пан А.— Недавно меня даже вызывала учительница, чтобы потолковать насчет близнецов. Кстати, разве у нас когда-нибудь были близнецы? — вдруг с подозрением спросил он жену.

— Что-то не припоминаю,— ответила она, подумав некоторое время.— Хотя, может, кто-нибудь из них и близнецы.

— А что, если посчитать детей, когда они спят? — подал я им идею, которая мне показалась умной.

— К вечеру человек устает от работы, ему спать хочется, а не подсчетами заниматься,— сказал отец.

— Вчера ночевали только трое,— вспомнила мать,— а иногда приходит ночевать и целый десяток.

— А у соседей вы не спрашивали? — допытывался я, удивляясь все больше и больше.— Они наверняка что-нибудь знают.

— Я недавно как-то разговорилась с одной соседкой, она и спрашивает: «Ну зачем вам понадобилось аж двадцать детей?» Только, по-моему, она преувеличивает. Да что могут знать соседи? У них своя ребятня, так что они столько же знают, сколько и мы.

— А милиция разве тоже ничего не знает? — в отчаянии спросил я.— Ведь у них там есть следователи...

— Милиция-то знает,— признался пан А.,— но только насчет самых старших.

Прощаясь со мной, он еще раз посчитал на пальцах и сказал:

— По-моему, их должно быть около дюжины. Максимум пятнадцать...

Однако я чувствовал, что это не последнее его слово.

Перевел с польского В. ЧЕСТНОЙ

С. ШАТРОВ

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Он вошел в старомодный зал с лепными карнизами и увидел на скамьях, обитых посекшимся шелком, амуров. Их было сотни две, не меньше. Митя Котельников нисколько не удивился. Амуры как амуры. Симпатичные голыши с луками и стрелами. Лишь одно поразило его. Многие из них выглядели не так уж молодо: мешочки под глазами, двойные подбородки, морщины, да и крылья за спиной потеряли изначальный блеск, словно побывали в химчистке.

В зале стоял порядочный галдеж, и амур-диспетчер, сидевший за дубовым столом, уставленным телефонами, то и дело кричал:

— Дадут мне работать или нет? Прекратите базар!

В зале замолкали, впрочем, ненадолго. А телефоны звонили, взмыленный диспетчер жонглировал трубками, записывал просьбы влюбленных и вызывал гонцов.

— Амур Вася, на выход!

Вася нехотя взял колчан со стрелами, лук и спросил:

— Лететь-то куда?

— В парк. Вторая скамейка налево...

— Молодые?

— Средних лет.

— Боюсь, опять фальшивый вызов.

— Разговорчики! Каждый полет обсуждаешь! — рассердился диспетчер.

— Так неохота же зря крылья бить. На всю жизнь одну пару дают!

Амур Вася, чертыхнувшись, вылетел из зала через пролом в потолке. Тем временем диспетчер допрашивал другого амура:

— Ты почему погнутые стрелы сдаешь?

— Иван Спиридонович, я стрелял. В самое сердце. Не пробивает!

— У всех, Гоша, пробивает, у тебя не пробивает!

— У него в пиджаке бумага лежала. Стрела не берет!

— Раньше стрела не то что бумагу, дамасскую сталь пробивала,— вмешался в разговор амур с красноватыми склеротическими глазками.— Как сейчас помню, одной стрелой я рыцарю панцирь и кольчугу продырявил. Ей-богу!

— Все это мемуары,— скептически усмехнулся Гоша.

— Что же это за бумага была? — допытывался диспетчер.

— Ордер на однокомнатную квартиру. Человек боялся, что она его за ордер полюбила.

— Проходят мимо своего счастья,— вздохнул пожилой амур.

Через пролом в потолке вернулся Вася. Зазвонил телефон. Диспетчер приник к трубке.

— Вася,— сказал он,— готовься ко второму рейсу.

— Иван Спиридонович, у меня же обеденный перерыв.

— Любовь не знает перерывов!

— Выходит, ежели ты амур, должен одним воздухом питаться? — пробурчал Вася.

— Разбаловались,— сказал пожилой амур.— Мы, бывало, в эпоху Возрождения не пивши, не емши по двое суток без отдыха летали. Или взять плейстоцен...

— Это что за плейстоцен? — спросил любознательный Вася.

— Каменный век по-научному. В то время амуров было раз, два — и обчелся. Оно понятно, людей на земле жило маловато.— Пожилой амур сложил за спиной серебристые, местами тронутые желтизной крылышки и продолжал: — И жизнь у них была трудная. В магазинах тогда любительской колбасы не продавали. Хочешь мясца — убей зубра. А как такую махину свалишь? Оружия нет, ничего нет, один камень. Пойди попробуй! А у амуров? Думаешь, как сейчас — служба информации, оповещения? Как бы не так! Пускали нас тогда по одному в патрульный полет. Что сам углядишь, то и ладно. Так вот, лечу я над скалами и вижу: сидит симпатичная неандерталка и глядит во все глаза на молодого неандертальца. Парень — во! Тоже косит на нее глазом, хотя держит в руках, Иван Спиридонович не даст соврать, каменюку весом с полтонны. Завис я над ними и думаю: до чего хорошая пара! А в это время внизу неандертальцы зубра гонят. План у них такой: как он к скале подбежит, парень каменюку кинет вниз — и зверю конец!

— Выходит, соображали,— сказал Вася.

— А как же. Не сообразишь, голодный будешь. Ладно, они гонят, я с плеч лук снимаю. Молодой, дурной был. Нет, чтобы подождать, пока охота кончится. Стрельнул. И с первого выстрела прямое попадание в самое сердце. Парнюга охнул, каменюку отложил в сторону, подошел к ней и говорит на чистом неандертальском языке: «Ты самая красивая девушка на свете».

Пока они тары-бары-растабары, зубр потерся шкурой о скалу и маханул назад. Одним словом, отбился. Неандертальцы, ясное дело, расстроились. Устроили парню проработку. Тогда выговоров не давали. Из племени выгнали, чуть не убили. Он с той смазливой неандерталкой ушел. Мучились бедняги. Вдвоем ведь на зубра не пойдешь. Тяжело им было в материальном отношении...

Пожилой амур умолк. До них донесся голос диспетчера:

— Куда, говорите? К Центральному телеграфу? Вышлем... Вася! — позвал диспетчер.— На улицу Горького, живо! Там девушка ждет одного придурка — назначил ей свидание и забыл...

— Как же я там ее найду? Сегодня праздник. Тысячи людей...

— Ну и лодырь же ты, Вася! — сказал диспетчер.— Лети без разговоров. Зовут ее...

И Митя Котельников услышал имя той, которую любил. Его снесло со скамьи, он выскочил на улицу и понесся к ближайшей станции метро с такой скоростью, будто за его спиной выстрелили из стартового пистолета. Он мчался, огибая по пути стайки поющих девушек, стихийно сложившиеся квартеты гитаристов, отцов семейств, груженных гастрономическими наборами и цветами.

В метро он вскочил в последний вагон, врезался в спрессованную массу пассажиров, как бронебойный снаряд. Но никто не сказал ему ни слова, потому что нет в мире более благодушного человека, чем москвич в праздники. Стиснутый со всех сторон, Митя продолжал казнить себя. Неужели он не увидит Таню? Он так долго готовил себя к этому дню. Он дал себе слово именно сегодня объясниться с ней, получить согласие, и тогда будут соблюдены традиции их семьи. Традиции Двойного Праздника. Годовщина свадьбы его родителей совпадала с Октябрьскими праздниками, а старшая сестра вышла замуж в День Победы.

Последний бросок был особенно тяжелым. Он с трудом пробирался по улице Горького, до краев заполненной людьми. Когда Митя достиг Центрального телеграфа, часы показывали восемь. Он опоздал. Надежда, блеснув лучезарным ореолом, покинула его. Митя понял, что проиграл. И тут случилось чудо. Бог удачи по-свойски хлопнул его по затылку. Митя вздрогнул, поднял голову и увидел Таню.

— Танюша! — изо всех сил крикнул он.— Танечка!

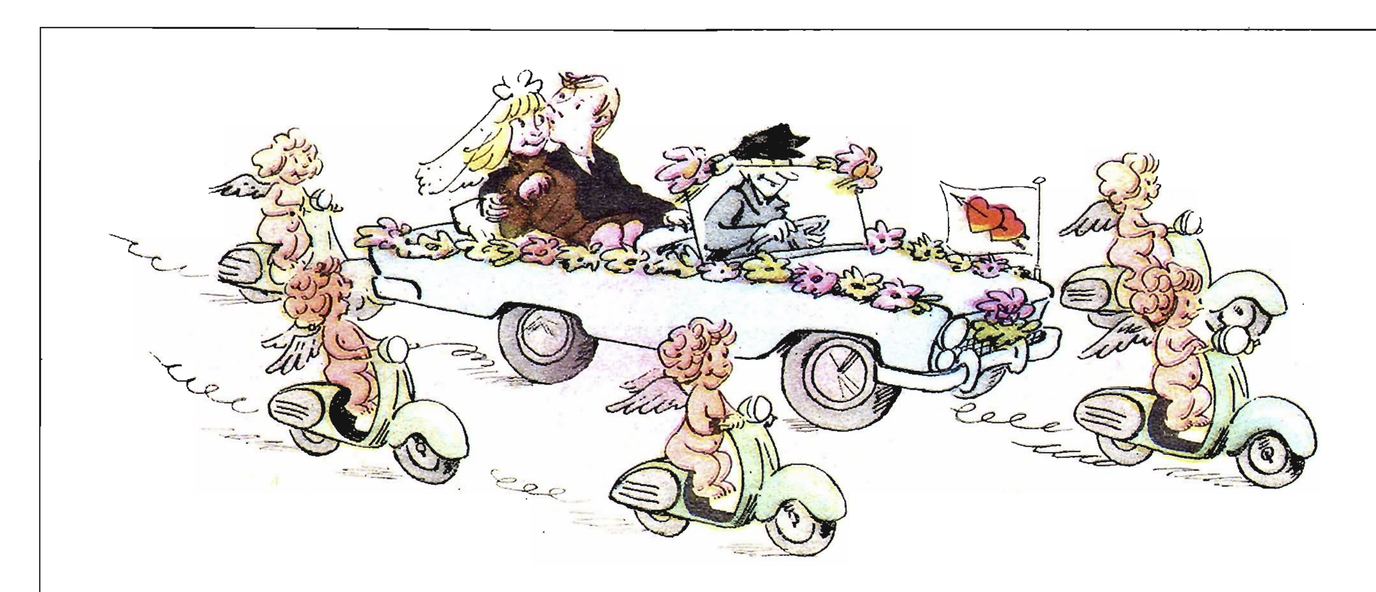
И опять случилось чудо: она услышала его голос, хотя вокруг пели, смеялись, отплясывали на мостовой сотни людей, а от музыкальных залпов сверхмощных громкоговорителей сотрясалась громада гостиницы «Националь».

Митя вывел Таню в тихий переулок. Они остановились у слабо освещенной витрины букинистического магазина.

— Танюша,— начал он, и сердце выпрыгнуло из его груди и зашагало рядом, так как знало, что не перенесет отказа.— Я давно... хотел... просить тебя...

Таня положила пальчики на его губы, словно боясь, что он скажет не то, что она хотела услышать. И по ее глазам, излучавшим радость, испуг, любовь, он понял: она согласна!

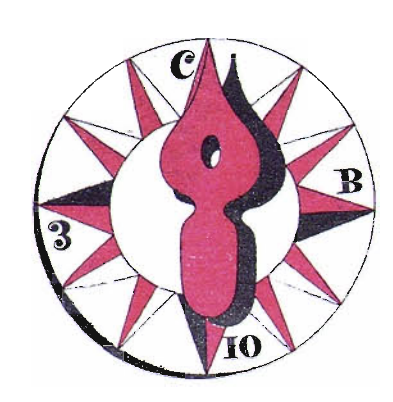
Когда Митя очнулся от оглушившего его поцелуя, он неожиданно увидел старого знакомого, глядевшего на него с титульного листа книги, лежавшей в витрине букинистического магазина. И он решил, что обязательно купит эту книгу, так как на ней был изображен летящий с луком и стрелами амур-лодырь Вася.

Почетный эскорт.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Е. МАТВЕЕВ,
Г. ОГОРОДНИКОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

КОАЭПУГА

Расшифровывать заголовок я не буду. Художник просил меня сэкономить место для лишнего рисунка, вот за счет КОАЭПУГА я его и экономлю. Просто это официальное, сильно сокращенное название эскадрильи полярных самолетов и вертолетов, которые находятся на Каменном мысе, который находится на полуострове Ямал, вот и все.

Здесь как бы воздушный таксомоторный парк. Никакого расписания рейсов, все полеты по указке заказчика. Заказчик в тундре разный: геологи, нефтяники, медики, милиция, почта, районный отдел народного образования, геодезисты, метеорологи... Есть кому экономить время.

«Небесные пахари» здесь базируются — легкие самолеты АН-2 и вертолеты МИ-4,— а высоко над Каменным проходит северная трасса, и когда на трассе непогода, то садятся пережидать ее на Каменный мыс тяжелые, пузатые АН-12 с овощами, фруктами, сметаной яйцами для Таймыра, Чукотки, Колымы, Якутии...

Мы летали по разным маршрутам, с разными экипажами, с разным грузом, в разное время. И в то же время врозь, чтобы меньше влиять на грузоподъемность машины.

Вот рассказ об одном самом обыкновенном рейсе на АН-2 с командиром Виктором Мищенко и вторым пилотом Валерием Лазаренко. Изо дня в день подобные рейсы.

На этот раз рейс был заказан Ямальской нефтеразведочной экспедицией. Нужно было слетать в Салехард отвезти людей в отпуска и отгулы, сдать на базу кое-какие приборы для ремонта и привезти гвозди, цемент и опять же людей из отпусков и отгулов.

Утром Мищенко с Лазаренко уже летали с метеорологами, а вот теперь — в Салехард.

...Летим. На лобовых стеклах — темные щитки, затеняющие солнце. Но не само солнце слепит—вечереет, и солнце размазано в дымке,— а блеск от воды, растекшейся по всему Ямалу.

Под нами — огромное озеро, Ярото называется. Справа, неподалеку,—еще озеро. Тоже огромное, и тоже Ярото называется. На карте числится: «Ярото 1-е» и «Ярото 2-е». Но названия пилотам ни к чему. Названий сотни, а ориентироваться все равно по конфигурации приходится. Вот и сейчас Лазаренко подсчитал путевую скорость, порадовал ее величиною Мищенко, ведущего сейчас самолет, и быстренько прибрал к ногтю разлапистое озерко — следующий контрольный ориентир.

Линия горизонта вся изъедена озерами — там и сям они сливаются с небом.

В Салехарде — теплынь и мясистые комары. Здесь уже лесотундра.

А еще в Салехарде — воскресенье. Это в тундре за днями недели не следят, а здесь, в городе, воскресенье соблюдают свято. Пассажиры сошли, а приборы встречать некому. И цемента не видно. И никаких гвоздей.

Пока оформляли на обратный рейс обычных пассажиров (не порожняком же лететь), Каменный «закрылся»: туман. Туман там частенько наволакивает с Обской губы, но ненадолго. А тут диспетчер объявил нам, что и туман не рассосется до завтра и связи Салехарда с Каменным мысом не будет до завтра же.

— Отдыхайте,— сказал диспетчер.— За грибами можете сходить в лесок... Глядите, сколько я тут за пятнадцать минут насобирал.— И показал нам авоську с грибами.

Тогда я показал ему свои грибы, найденные возле аэродрома и нанизанные на прутик.

— За две минуты с четвертью,— сказал я.

— Так не бывает,— сказал Мищенко диспетчеру.— Там, на Каменном, ветер дунет — фу! — и никакого тумана.

— Давай на Яр-Сале,—предложил Лазаренко (Яр-Сале — поселок на полпути к Каменному).

— И Яр-Сале закрыт.

— Ну, на Воркуту.

— А на что вам Воркута? Она же не в той стороне!

— Да выпусти ты нас! — взмолился Мищенко.— Все равно куда оформи, лишь бы в воздух подняться!

— Грибки вам оставим,—поддержал я, снова показывая прутик.

Не просто так рвался в воздух Мищенко. Шарообразность Земли толкала на это. Только взлетев, могли мы связаться бортовой рацией напрямую с Каменным мысом, который был за линией горизонта.

Диспетчер грибки взял, положил в авоську, повесил авоську на вешалку и подумал.

— А мне-то каково? — спросил он, подумав.— Ну, взлетите вы, а я тут сиди и держи вас на связи в воскресенье! А у нас как-никак через пятнадцать минут смена кончается. Не выпущу. Нет.

Не выпустил. Нет.

С досады Мищенко даже ужинать не захотел. Досадовал он настолько вслух, что Лазаренко сказал о его голосе:

— Тебя, пожалуй, и без рации на Каменном слышно.

На следующий день наступил понедельник — весьма рабочий день. И появились в аэропорту искомые буровики, привезли искомые гвозди, цемент, консервы, гитару и затеяли свару с пассажирами, которых вчера вместо них оформили было на наш рейс. Пока утрясали конфликт, Каменный опять «закрылся» и нас выпустили только до Яр-Сале.

Курс простой: все над Обью да над Обью, только она тут так расплылась-разъехалась по тундре, разошлась по протокам, что можно заблудиться и над ней.

Тепло и в Яр-Сале. На окраине — шеренга чумов. Это «очередники» на получение жилплощади. Первый чум — это первый в очереди, второй — второй...

Так тепло в поселке, что на одной из крыш сидит пацан в трусиках и отмахивается от комаров и от Сережи Неркагы, зовущего мастерить бумажного змея.

— Здрасьте! — приветствует меня Сережа.— А я уже тут.

Он тут из тундры. Из Тобантойской тундры, где мы с ним и познакомились. Я летал там по стойбищам на «детском» вертолете Хасаншина, и пятиклассник Сережа Неркагы верховодил в полете малышами и сверстниками. Не давал вставать, когда не надо, давал гигиенические пакеты, когда надо.

— Я сюда с дядей Герой прилетел,— сообщил он.— Дядя Гера рисовал меня и песцов.

Дядя Гера — это Огородников. Он четыре дня просидел в Яр-Сале. Прилетел вместе со школьниками, собирался вернуться на Каменный следующим рейсом, а следующего рейса как раз четыре дня и не случалось.

В поселке заподозрили неладное: слоняется художник «Крокодила» и чего-то высматривает. И как будто даже намеревается очернить белых и голубых песцов, которые здесь водятся, и браконьеров, которые здесь не водятся.

Просили не делать этого. Поэтому песцы на рисунке есть, и они все— в розовом свете, а браконьеров нету.

Только мы успели позавтракать, как «открылся» Каменный.

Взлетали с хитростями. Площадка здесь еще не готова для обычных рейсов: коротковата и не размечена. Только экипажи полярной авиации имеют право пользоваться ею по своему усмотрению.

Усмотрение было такое: чтобы сократить разбег, сместить центр тяжести как можно больше наперед и в нужный момент максимально довыпустить закрылки.

Подтащили ближе к кабине груз, на грузе сгрудились пассажиры, и только гитара болталась в хвосте. Самолет с выпущенными наполовину закрылками побежал по суглинку, Мищенко крикнул «Хоп!», Лазаренко дожал закрылки, машина подпрыгнула, выровнялась над землей и пошла вверх. А пассажиры принялись рассредоточиваться.

Неудобный теперь был ветер, встречно-боковой и какой-то несформировавшийся. Толкал машину и так и сяк, и ее никак не удавалось сбалансировать по курсу. Как норовистого коня, приходилось крепко «обуздывать» руками и ногами.

Потянулись облачка. Сначала белые, потом серые с водичкой. Просверлили тучку, и ветер расчесал на лобовых стеклах тонкие струйки.

— А, едят тебя мухи! — сказал Мищенко, передавая управление Лазаренко, и принялся гневно хватать рукой воздух в кабине. Не сразу и догадались, что это он яр-салинского комара решил «унасекомить».

Пока он лютовал, земля пропала. Под нами мчалось плотное ватное одеяло, а по нему в двойном радужном кольце мчалась четкая тень нашего самолета. Потом самолет «побежал» по облакам колесами и скоро провалился внутрь, в белесую неподвижность.

Из облака выпали уже над самой губой. Аэродром был пуст — все разлетелись кто куда.

Сели. Сходили в столовую.

— Готовы? — осведомился диспетчер Саша Торлов.— Оформляйтесь в устье Тадибеяхи.

И через час Мищенко и Лазаренко снова были в воздухе с четырьмя бочками «горючки» для геодезистов, работающих на Гыданском полуострове.

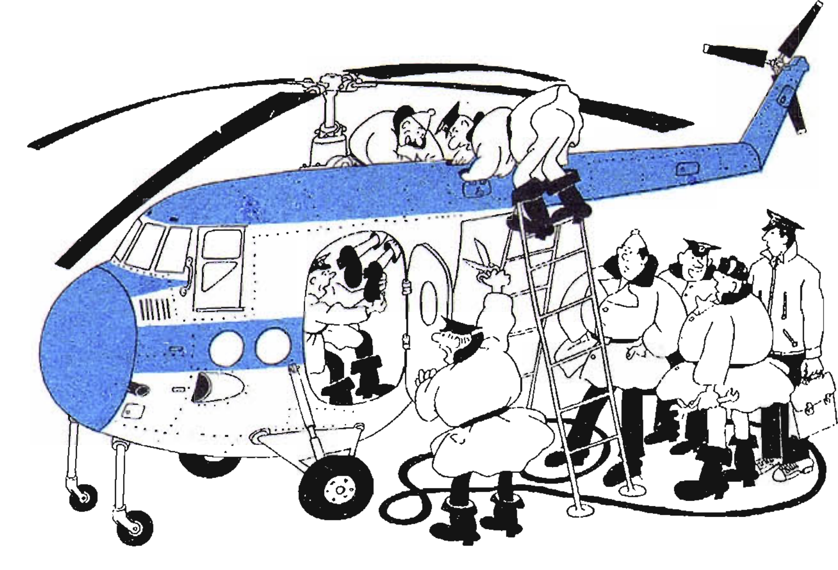
Каменный мыс.

На Каменном мысе как бы оперативный штаб Ямала по сбору школьников. Во главе директор Ярсалинской средней школы-интерната Почекуев и инструктор райкома Вануйто.

Летчики после обычных рейсов говорят наробразовцам: там-то и там-то видели группу чумов. Те расстилают гигантскую карту полуострова и делают пометки. Кроме этого, у них сведения и от самих оленеводов, где кто кочует в тундре.

Потом в тундру летит вертолет (чаще всего экипаж Хасаншина) и свозит школьников с каникул на Каменный мыс, а уж отсюда самолетами и вертолетами развозят их по школам-интернатам.

«Вертолет прилетел на форму». В переводе с технического это означает, что вертолет прилетел на профилактический ремонт.

Но у этого рисунка — другое содержание. Тут в другой форме дело. Сверхутепленно одетые люди, облепившие вертолет,— это наземные техники и механики. Летный состав — это стройные красавцы, наземники — это такие вот безобразники по форме. Такая им спецодежда выдается.

Вот как-то и случилось: один из них полез в хвост взглянуть на хвостовую балку да и застрял там в своем размахае. Пришлось резать форму через лючки и тащить из нее «формалиста» за ноги.

Многие считают: раз Север, значит, езда на собаках.

А здесь предпочитают оленей. Обыкновенно деревенские здесь отношения между человеком и собакой. И по-деревенски же облаивают порой собаки мимо летящий транспорт.

«На Земле Франца-Иосифа обнаружен живой мамонт. Перед наукой во весь рост встала проблема доставки его на Большую землю. Группа ученых предложила для этого пешеходный вариант с использованием сена в качестве приманки. Самолеты будут сбрасывать тюки сена на всем пути следования мамонта, и так, от тюка к тюку, он выйдет на материк».

Такую телеграмму в свою редакцию прислал из Заполярья один московский корреспондент. Это так его разыграли, когда он поинтересовался, зачем в самолет грузят сено. И он вообразил себе такую картину:

— Вашему брату только скажи,— сказали нам,— а вы уж и уши развесите. Не так, что ли?

— Так,— не заотпирались мы.— Что было, то было, но только вы еще главного не знаете. Самое смешное, что две недели назад все так и случилось, как выдумали для корреспондента. Действительно, поймали живого мамонта, но только не на ЗФИ, а в Антарктиде, и везти его решили на АН-12 через Австралию. Возможно, даже кто-то из вашего Полярного управления за ним полетит.

— Что-то сомнительно,— сказали нам.— Вряд ли мамонт войдет по своим габаритам в АН-12.

«ЗОЛОТОЙ ШЛЕЙФ»

Секретарь Каменского райкома партии Пензенской области С. Синев сообщил редакции, что фельетон В. Преображенского «Золотой шлейф» («Крокодил» № 23) обсуждался на бюро райкома и признан правильным. Разработаны мероприятия по борьбе с потерями зерна в совхозе «Мочалейский». В частности, все машины, работавшие на перевозке хлеба, были оборудованы пологами. В результате уборка в совхозе прошла организованно. План продажи зерна государству выполнен на 150 процентов. Принимаются меры по ремонту дорог и мостов.

Секретарь Колышлейского райкома партии А. Ковлягин ставит в известность редакцию, что в совхозе «Чапаевский» после проверки фактов, о которых писал «Крокодил», «в тот же день была проведена дополнительная герметизация комбайнов».

Районный комитет народного контроля выявил виновных. По предложению комитета бригадир А. М. Зименков за допущенные потери зерна освобожден от работы, на управляющего Давыдовским отделением совхоза И. Г. Булышева произведен денежный начет.

«КОРОВА ПРОТИВ ЛОКОМОТИВА»

В одноименном фельетоне Устина Малапагина, опубликованном в № 23 «Крокодила», рассказывалось о том, почему поезда зачастую встречают на своем пути коров и во что обходятся государству такие встречи.

Редакция получила ответ от заместителя министра путей сообщения СССР тов. Гаврилова, который пишет, что министерством проводятся большие работы по предупреждению аварий такого рода (ограждение пути от выхода скота на железнодорожное полотно, новые лесопосадки, специальные места для прогона скота), однако на отдельных дорогах подобные случаи еще продолжают иметь место. Поэтому, кроме указанных мер, министерство обратилось в советы министров союзных республик и местные Советы депутатов трудящихся с просьбой об усилении воздействия на нарушителей железнодорожных правил.

«ВОТ И ЖДЕМ»

Директор Инсарской районной киносети В. Цыганов проявил нетерпеливость. И двух лет не прошло, как местное отделение «Сельхозтехники» взялось отремонтировать задний мост от автокинопередвижки, а он уже забил тревогу. И, представьте, не зря.

В ответ на его письмо, опубликованное в № 23 «Крокодила», заместитель председателя Мордовского объединения «Сельхозтехники» тов. Малышев сообщает, что задний мост отремонтировали, а управляющего отделением И. И. Слепова строго предупредили.

«НАЧИНАЙ СНАЧАЛА»

Долго, очень долго длилась эта история. Никак не могли отремонтировать астраханскую школу № 11, хотя ремонтировали ее последний раз в сороковых годах. Немало организаций было вовлечено в переписку, и, казалось бы, все были согласны, а дело дальше обещаний не шло.

В конце прошлого года «Крокодил» выступил по этому поводу с заметкой «Начинай сначала». И лед тронулся. Недавно нам сообщили, что новый учебный год начался в отлично отремонтированной школе.

«СПЛОШНЫЕ ВУНДЕРКИНДЫ»

Ученик второго класса волгоградской школы № 84 Костя Науменко состоял членом сразу трех обществ: охраны памятников, охраны природы и Красного Креста и Полумесяца. И, представьте, никто этому не удивлялся. Теперь ведь вундеркинды — на каждом шагу... (см. «Крокодил» № 19).

Как сообщила редакции заместитель заведующего гороно тов. Ю. Остроумова, факт соответствует действительности. Инспекторам гороно, районо и директорам школ дано указание строго руководствоваться положениями и уставами добровольных обществ и не поощрять формализма в приеме учащихся в члены добровольных обществ.

Железнодорожный детектив

На станцию Лаки Свердловской железной дороги прибыл полувагон № 6421225 с рудой.

Работники станции удивились:

— Мы же сами его грузили и отправляли в Поти-порт Закавказской дороги. Почему его вернули?

А получилось так.

Полувагон, груженный рудой, мирно следовал со Свердловской дороги на Закавказскую, не предвидя для себя никаких последствий. Но по пути попал почему-то в вагонное депо Пенза-III. Пензенские вагонники проявили бдительность и решили, что вагон недогружен. Чтобы исправить этот промах свердловчан, догрузили сами.

Но поскольку руды у них не было, пихали в вагон все, что попало под руку: кирпичи, щепу, обтирочные тряпки. «Догрузив», отправили дальше, на станцию назначения.

— Что это за мусоросборник прибыл? — изумились железнодорожники станции Поти-порт.— Безобразие какое!..

И отправили вагон обратно на станцию Лаки.

Но как догадались на станции Лаки, что авторами мусорной догрузки являются пензенские вагонники?

Выяснить это удалось благодаря чистой случайности. Организаторы «догрузки» вместе с мусором бросили в вагон и свою «визитную карточку». Таким документом явилось старое, потрепанное объявление о том, что «... в красном уголке ПТО Пенза-III в 17 часов состоится торжественный вечер с повестной дня...»

Конечно, это был неосторожный поступок. Уж если изобрели такой остроумный способ очистки родного предприятия от мусора, то при этом надо тщательно «заметать следы»...

Л. Ц.

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Ты спрашиваешь, почему я, разойдясь с тобой, женился на твоей сестре? Просто я не смог бы перенести появления еще одной тещи.

●

— Если ты не будешь кушать нашу, я позову Бабу Ягу.

— Мама, неужели ты думаешь, что Баба Яга будет есть эту нашу?

●

Престарелый лорд сидел в столовой своего клуба, уткнувшись в «Таймс». Его сосед по столику долго смотрел на него и наконец не выдержал.

— Простите, говорят, вы вчера похоронили свою жену. Что с ней случилось?

— Она, знаете ли, умерла,— пробормотал лорд, не отрываясь от газеты.

●

Малышу показали картину, где было изображено несколько христианских мучеников, отданных на растерзание кровожадным львам. Всмотревшись в картину, малыш залился слезами.

— Этому бедному льву в углу картины не досталось ни одного христианина,— задыхаясь от рыданий, пролепетал он.

●

Судья:

— Почему вы отказываетесь платить алименты на вашего ребенка от первого брака?

— Увы, мне нечем платить. Моя вторая жена не хочет устраиваться на работу.

●

Ворона, глядя на реактивный самолет, говорит своей подруге:

— И как только эта птица может летать так быстро?

— И ты бы так полетела, если бы тебе подожгли хвост!

●

— Нынешняя молодежь! — вздыхает пожилая женщина.— Такая распущенная, такая распущенная! Совсем не то, что в наше время.

— Да, да,— подтверждает ее ровесница.— Даже сравнить нельзя. Ах, если бы я сейчас была молодая!

●

В камеру смертников в Синг-Синге входит надзиратель.

— Послушайте, — обращается он к приговоренному к смерти,— завтра перед тем, как посадить вас на электрический стул, у вас спросят, каково ваше последнее желание.

— Да, ну и что?

— Вам уже все равно, так попросите, чтобы мне повысили жалованье.

●

Полный чайник счастья

Электронные свахи, занимающиеся организацией чужого счастья, могут спокойно подавать в отставку: теперь всякому, кто пожелает завязать знакомство, следует обращаться к услугам московского завода «Автоштамп». Точнее, непосредственно к контролеру по внешней приемке.

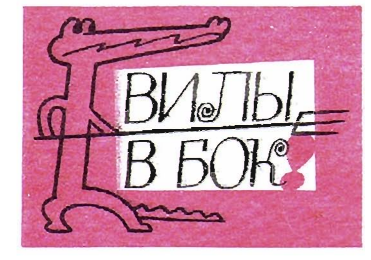
Завод этот выпускает электрочайники, нередко, в чем многие убедились, бракованные.

Для знакомства нужно совсем немного: достаточно приобрести такой чайник, а затем отослать его вышеназванному контролеру. Не пройдет и несколько месяцев, как вы получите другой бракованный чайник и при нем письмо его бывшего владельца (владелицы) в адрес завода, как две капли воды похожее по содержанию на ваше.

Воспользовавшись адресом на конверте, вы можете легко завязать переписку с товарищем (товаркой) по несчастью. И кто знает, может быть, это несчастье с чайником послужит прелюдией к большому человеческому счастью, если вы в нем нуждаетесь.

Именно таким образом житель города Астрахани тов. Сафаралиев узнал о жительнице гор. Кременчуга Н. И. Мошковской, а житель... впрочем, зачем повторяться? Приобретите чайник!

Н. СТАНИЛОВСКИЙ

Платите рупь!

В один из вечеров гражданин Павловский, остановившийся в Центральной павлоградской гостинице, захотел просмотреть в красном уголке свежие газеты и журналы. Желание, казалось бы, естественное и законное.

— Платите рупь,— сказали ему,— в комнате телевизор.

— Ну и что? — не понял гражданин Павловский.

— Как что? — удивилась администрация.— А вдруг вы захотите посмотреть?

Такова в Павлограде такса: хоть один смотрит, хоть все постояльцы — рубль на бочку.

— Так ведь...— растерялся гражданин Павловский.

— Соберите с десяток зрителей обойдется по гривеннику...

— А, собственно, по какому праву? — возразил Павловский.

— А вот решение Павлоградского горисполкома № 165 от 3 апреля 1970 года,— привычно пояснила администрация.— В нем за надлежащими подписями и ссылкой на указание Министерства коммунального хозяйства УССР № 9/69 от 24 февраля 1970 года предписывается...

— Что предписывается?!

— А вот что: «Установить дополнительный тариф за пользование телевизором в гостинице из расчета один рубль в сутки, который возмещается жильцами, желающими пользоваться телевизором». Поняли?

Нет, Павловский все еще не понимал. Ему казалось, что взыскивать любую оплату можно только за дополнительные услуги, предоставляемые жильцам индивидуально. Ну, скажем, за телевизор, радиолу, холодильник, установленные в номере.

— Об этом же сказано в типовых правилах для гостиниц! — доказывал он.— В правилах, которые издаются министерствами коммунального хозяйства союзных республик. Я точно знаю! Предполагается, что исполкомы городских Советов должны руководствоваться в своих постановлениях именно этими типовыми правилами...

— Давайте рупь,— устало сказала администрация.

Павловский хотел было еще что-то сказать, но вдруг сник, махнул рукой и полез в карман.

Т. ЛОСКУТОВА

Попался на удочку

Ф. В. Чекренева, жителя г. Загорска, Московской области, сгубили две страсти: щегольство — раз, и увлечение подледным ловом — два. Объединившись, эти две страсти заставили Ф. В. Чекренева поехать в Москву и отвалить в ГУМе за две электронные удочки 18 рублей 20 копеек. Это было еще в 1968 году.

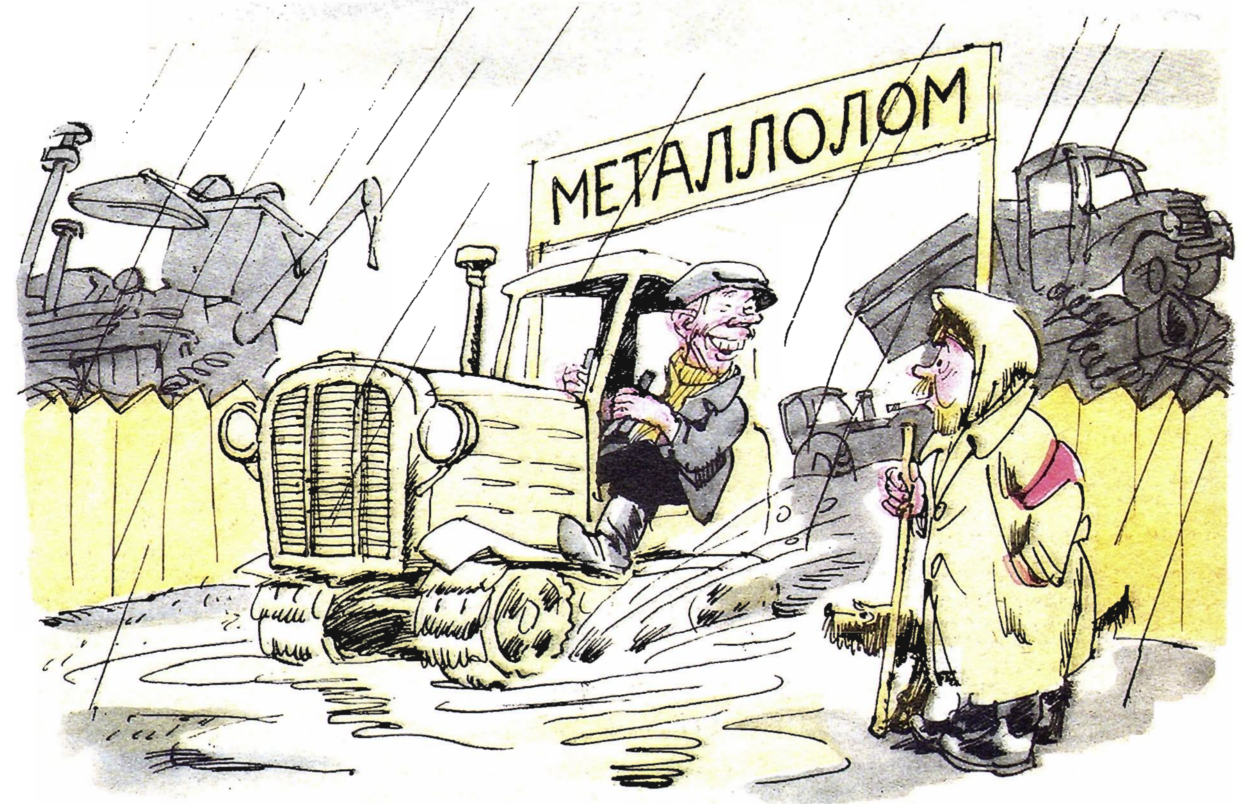
Увы! Судьба в лице завода, сработавшего это чудо рыболовной техники, нанесла нашему герою страшный удар. Когда Ф. В. Чекренев уселся у лунки и, победно оглядев соседей, нажал кнопку на удочке—она, подлая, не сработала. Не завибрировала, как полагалось по инструкции. Не сработала и вторая удочка. Пришлось блеснить вручную, как будто имеешь не электронную удочку, а тривиальную, какой ловит любой мальчишка.

Пылая справедливым гневом, Ф. В. Чекренев отправил на завод-изготовитель неисправную продукцию и стал ждать, но ничего не дождался. Наступил год 1969-й. Односторонняя переписка продолжалась.

Вот уж сезон подледного лова 1969—1970 годов окончился без участия Ф. В. Чекренева. Он не сидит над лункой. Он сидит у письменного стола и пишет в Ленинград, товарищу Бровкину Ивану Мееровичу, конструктору, ответственному за эту продукцию. Написал уже двадцать писем.

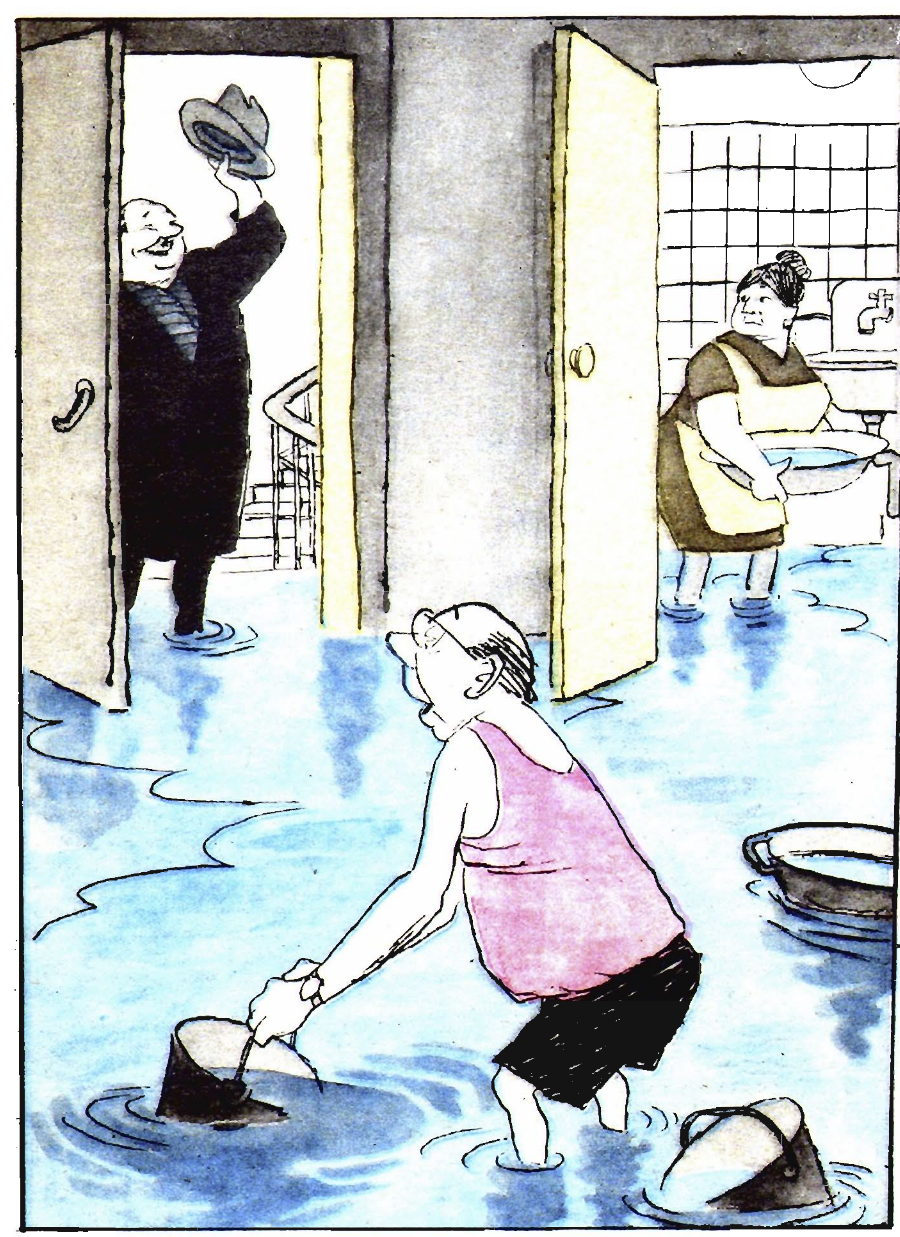
Он истратил на почтовые отправления столько, что за те деньги вполне можно было купить другую удочку, правда, «простую», не золотую». Зато нервы были бы в порядке, и не мешал бы тов. Чекренев своими письмами тов. Бровкину заниматься выпуском высококачественной продукции.

Ю. ГАЛКИН

— Дядя Федя, забираю трактор обратно: нашел потерянную гайку!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Я ваш сосед снизу, зашел поблагодарить. Мы забыли выключить утюг, и если бы не вы — квартира сгорела бы дотла!

Рисунок Бориса ЛЕО

ЗЛОСЧАСТНАЯ «ПОБЕДА»

Рассказывают, что одному иностранному гражданину удалось на спор съесть в натуральном виде автомобиль. Слопал он его вместе со всеми цилиндрами и прочими автопотрохами за три года.

Житель города Армавира М. Т. Тимофеев не может разделаться со своей «Победой» без малого пять лет. Добро бы он ее кушал — так было бы быстрее. Так нет же, обратился за помощью в местное отделение «Вторчермета»: так, мол, и так, для меня мой одряхлевший автомобиль обуза, а для вас — ценный вторичный черный металл. Возьмите, пожалуйста!

— Как бы не так,— отвечают ему,— с частными лицами мы дела не имеем. С частными лицами имеет дело «Вторсырье».

— Ошибаетесь, — возразили во «Вторсырье»,— от частных лиц мы принимаем только негодные тазы, чайники, кровати с панцирной сеткой и прочую домашнюю утварь.

М. Т. Тимофеев понял, что в одиночку ему с двумя побратавшимися организациями не совладать, запер останки «Победы» в сарай и стал ждать, покуда подрастут внуки.

Прошло время, внуки подросли и помогли дедушке расфасовать престарелое авто на отдельные малогабаритные части. В начале каждого учебного года несколько этих частей внуки относили в свою школу и сдавали как металлолом. Разумеется, бесплатно и, разумеется, понемножку, чтобы бдительный «Вторчермет» и строгое «Вторсырье» не догадались, что имеют дело с частными лицами. На пятый год этих вылазок победа была близка — оставалось сбагрить один лишь радиатор.

— Стоп! — очнулся «Вторчермет».— Это уже не по нашей части. Это по части «Вторцветмета».

— Ни в коем случае! — возразил «Вторцветмет».— Идите во «Вторсырье».

— Назад! — выставили заслон во «Вторсырье».— Радиаторы покупает «Сельхозтехника».

— Ничего подобного! — отрезала «Сельхозтехника».

Ума не приложить, что теперь делать М. Т. Тимофееву с этим злосчастным радиатором. Взорвать его петардой? Расплавить на медленном огне? Утопить в речке?

Так или иначе, но не съедать же в самом-то деле!

Г. РОЖНОВ

Девчонкам-непоседам

Беда с этим подрастающим поколением. Все их интересует, все они хотят посмотреть собственными глазами. А бедные родители сидят дома и волнуются, куда утопал их ребенок.

Вот на Ленинаканской чулочной фабрике и решили помочь родителям. Взяли да и освоили новый вид продукции. Ажурные колготки красивы, оригинальны и недороги. Стоит заплатить каких-то там 8 р. 80 к., и родители могут спать спокойно. Никуда их дорогое дитятко из дома не уйдет. Ну, сделает один шаг, а уж на втором непременно вернется обратно. Конструкция их проста до смешного: две половинки колготок сшиваются так, что один носок смотрит туда, а другой обратно. Вот и весь секрет.

В. СИНЦОВА

ДОИГРАЛСЯ!

Фото А. Брюханова, пос. Тисуль, Кемеровской области.

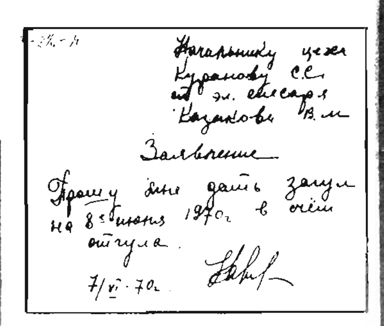

Прислала В. Житенева, г. Апрелевка.

(Объявление в галантерейном отделе магазина «Фиалка»).

Фото Н. Сырык, г. Новосибирск.

Начальнику цеха Куранову С.С. от эл. слесаря Казакова В.М.

Заявление

Прошу мне дать загул на 8е июня 1970 г. в счёт отгула.

7/VI-70 г.

Прислал А. Власов, г. Заволжье.

КРОКОДИЛ

№ 30 (1968)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, Ю. Андреев, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Каневский, С. Кузьмин, А. Семенов, А. Скотаренко, Ю. Степанов.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 12/X 1970 г. А 00162. Подписано к печати 20/X 1970 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 300 000 экз. (1 завод: 1—3 883 450). Изд. № 2083. Заказ № 2836.

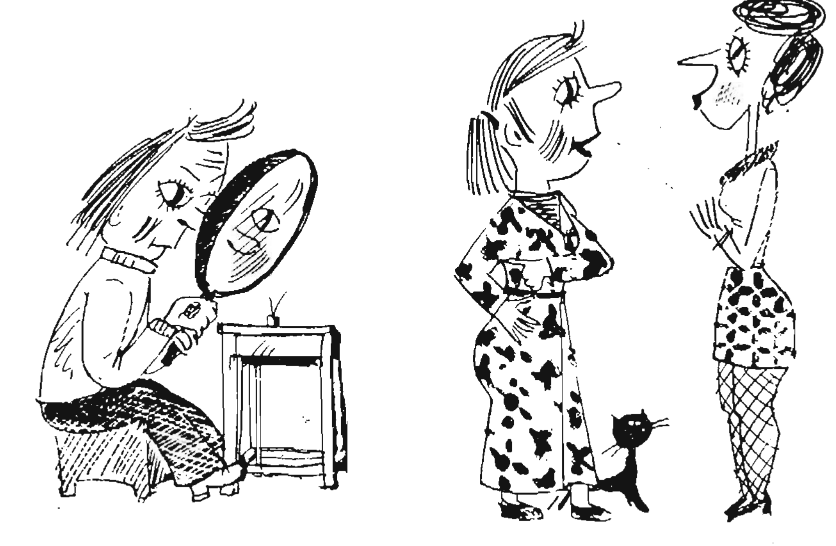
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

— А то ревизия, не дай бог, нагрянет!

Рисунок А. СЕМЕНОВА

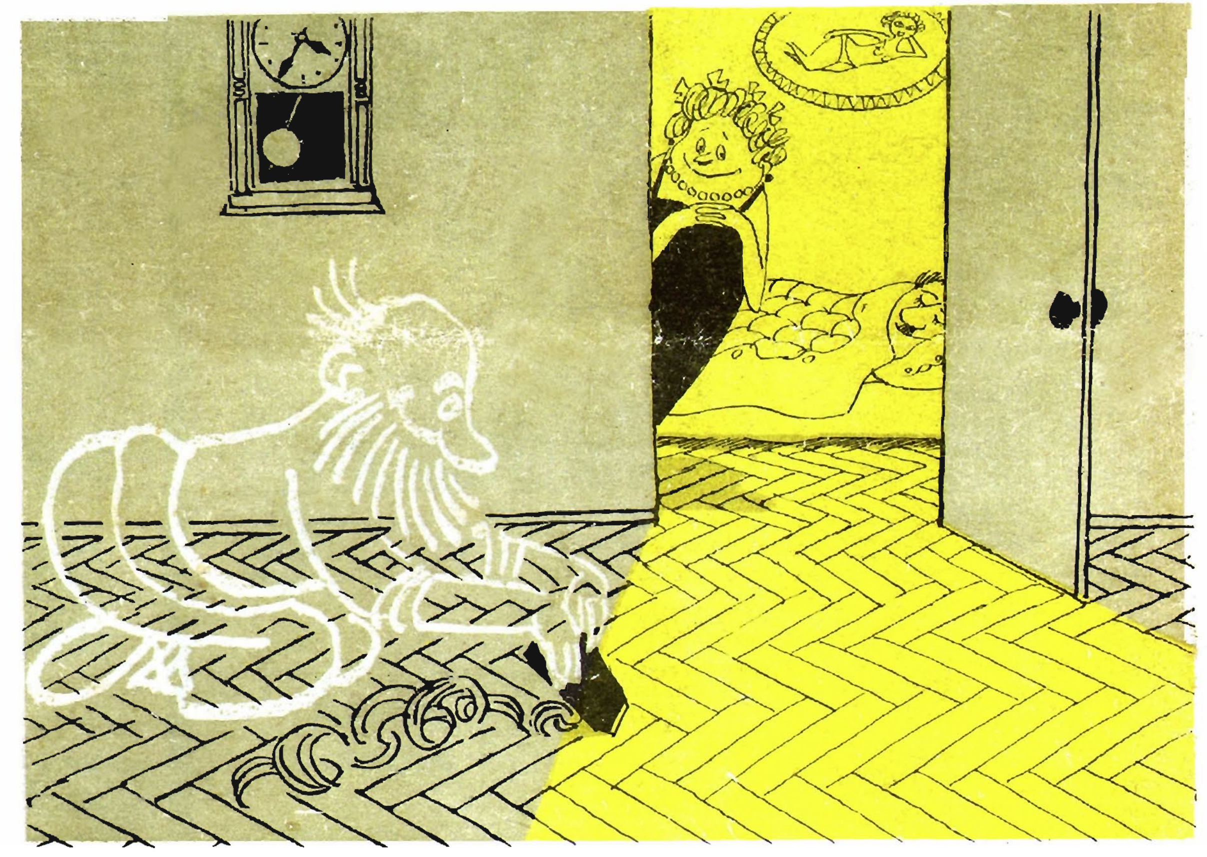
— Мой-то умелец собрал портативный телевизор с линзой!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

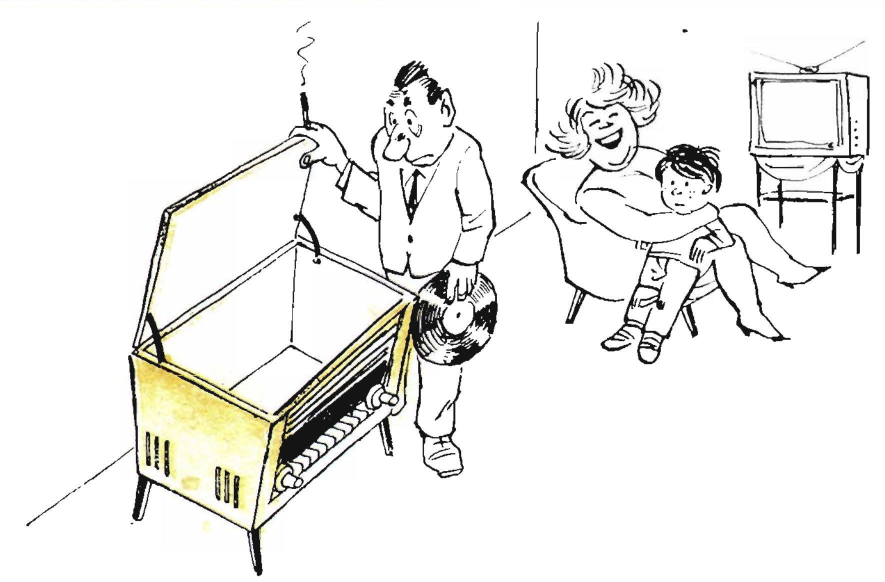

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Петенька, проснись! Смотри-ка, у нас домовой поселился! Пол циклюет.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Наш сын записался в кружок радиолюбителей!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

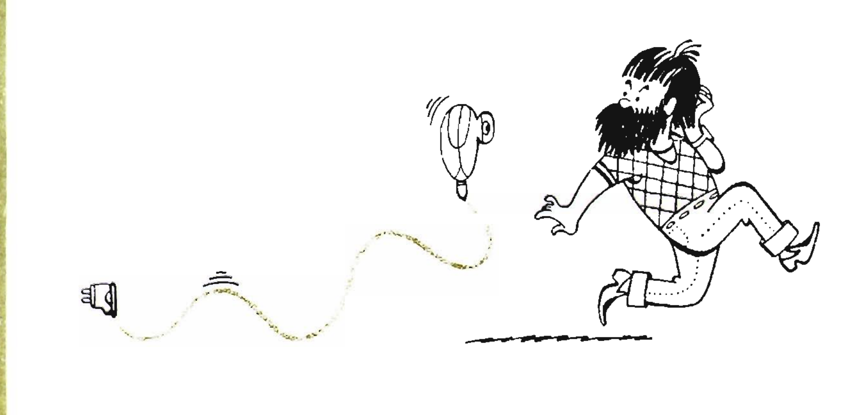

Рисунок М. ВАЙСБОРДА